

КОЧЕВЬЕ

ДИТЛОГ

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

АНТОЛОГИЯ

Кочевье

«Алетейя»

2019

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2Рос=Рус)6-я43

Антология

Кочевье / Антология — «Алетейя», 2019 — (Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-907115-63-7

В предлагаемом сборнике собрано творчество авторов, вышедших из одного ментального пространства, обозначенного русским языком, – ныне живущих в разных уголках мира. Рядом с произведениями лучших современных поэтов и писателей, представленных здесь, читатель сможет увидеть настоящие шедевры чёрно-белой фотографии признанного мастера фотокамеры В. Сычёва, артистичные работы фотографа Д. Кандидова, искусную графику А. Мертенс и оригинальные карандашные экспромты А. Ланцова. В талантливых, разнообразных по жанру произведениях сорока девяти авторов отражены не только их чувства, мысли и мировоззрение, но и особенности русской культуры с проявившимся в ней феноменом кочевья.

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(2Рос=Рус)6-я43

ISBN 978-5-907115-63-7

© Антология, 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Пилигримы пятизвездных кочевий	9
Александр Городницкий /СПб./	11
Переулки Арбата[1]	12
Михаэль Шерб /Дортмунд/	13
Я прошу прощения...	14
Огарок	15
Сны	16
Ухмыляясь, месяц тонкий...	17
Б. Н	18
В саду идей	19
Пятница	20
Май	21
Сад	22
Лицо дождя	23
Ирония	24
Дмитрий Гаранин /Нью-Йорк/	25
Бессонница	26
«В течение пяти часов заката...»	27
SKRIK	28
«Любовь – это начало, смерть – конец...»	29
«Трагизм существования дамоклов...»	30
«И чудно, и торжественно вокруг...»	31
«Это тот, которого нет, но кто...»	32
Гимнастка в Риверсайд-Парке	33
Оптическая песнь	34
«Рестораны карабкаются вверх по улочкам Канн...»	35
Фейерверк в Каннах	36
Ханох Дашевский /Иерусалим/	37
Хаим Нахман Бялик (1873–1934)	38
Федерико Гарсиа Лорка (1899–1936)	39
Николоз Бараташвили (1817–1845)	40
Борис Хазанов /Мюнхен/	42
16 января 192*	43
Роман Айзенштат /Ришон-Ле-Цион/	47
«То ли птица кричит в ночи...»	48
«Луг после дождя. Вот и солнце глянуло...»	49
«В свой бывший дом, когда вернусь я строчкою одной...»	50
«Звучало грозно: эмиграция...»	51
Вечная привязанность	52
В ягодах	53
Кочевники	54
«Давно я чирика не слышал...»	56
«Есть птицы, что поют по вечерам...»	57
«Эй, ты, человечья единица...»	58
«Мегазвездная ночь...»	59
Океанский скиталец	60

«Сад утренний, он потаенный...»	61
Самой малости	62
Мирабель	63
«Цветут лимонные деревья...»	64
«Мороз добавил в снег крахмал...»	65
Алексей Ланцов /Вантаа/	66
«Хоть я городской и тепличный...»	67
«Выйдешь на улицу...»	69
Голубоглазый соул	70
Стихотворение к картине Магнуса Энкеля «Мальчик с черепом»	73
«В осенней памяти моей...»	74
Мой сосед	76
Переводы из Пяйви Ненонен	77
«Солнце сияло лениво...»	77
«В траурной рамке смертную весть...»	77
«О, если бы тропа моя свернула к дому...»	77
Перевод из Хуана Рамона Хименеса	79
Раиса Шиллимат /Оберхаузен/	81
Семь футов под килем	82
Переводы Р.-М. Рильке	86
Прикосновение ангела	86
Из жизни одного святого	86
Вечер	87
Средь духовных вершин затерян	87
Алексей Глуховский /Баден-Баден/	88
«Свои поэты есть в любой деревне...»	89
«Я вроде бы потратил все слова...»	90
Стишки	91
«Как мало нам...»	92
Утром	93
Прелюдия	94
В полете	95
«Не заставляй меня любить...»	96
«Моя Муза сегодня дежурит по огороду...»	97
Внукам	98
«Когда в душе переполох...»	99
«Все, к сожаленью, становится прошлым...»	100
«Лист клена, оторвавшийся от ветки...»	101
«Поезд тронулся...»	102
Натюрморт	103
Скрипач	104
Откровенность	105
Пенсия	106
Долг	107
Маме (1932–2002)	108
Под дождем	109
«Когда умирают артисты...»	110
«Вдоль дороги кусты...»	111
«Мне покупали все на вырост...»	112

«Расцвели обильно сорняки...»	113
«От тоски простое средство...»	114
«Мое Садовое кольцо...»	115
Москва–2017	116
Аргур Новиков /Киев/	117
«...повесился на галстук в шкафу...»	118
«во мне забыли катетер удаляя опухоль мозга...»	119
«она в руках несла...»	120
«а что бы вдруг купить себе трамвай...»	121
«– о чем-то мечтаете...»	122
«свеча...»	123
«жизнь как чайная церемония без чая...»	124
«подростки падают с крыш электричек Ник Кейв...»	125
«соблюдая музыку полагаясь на музыку...»	126
«почему бы и нет...»	127
«я желаю нечаянной вечности...»	128
«только ветром сыт и светом день безоблачен и пуст...»	129
«оливы... спят? но мы-то нет...»	130
«нелепо...»	131
«Луна...»	132
«Джон Рид? – забыт...»	133
«есть счастье быть неправым...»	134
«у меня отсутствует цветное зрение...»	135
«мадам оставьте жарить сало...»	136
«подарок твой истерика и боль...»	137
«капля воска крошит лед...»	138
«есть белый зов и здравствуй Лондон Джек...»	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Кочевье. Антология

Составитель Татьяна Ивлева

Александр ГОРОДНИЦКИЙ /СПб./
Михаэль ШЕРБ /Дортмунд/
Дмитрий ГАРАНИН /Нью-Йорк/
Ханох ДАШЕВСКИЙ /Иерусалим/
Борис ХАЗАНОВ /Мюнхен/
Роман АЙЗЕНШТАТ /Ришон-Ле-Цион/
Алексей ЛАНЦОВ /Вантаа/
Раиса ШИЛЛИМАТ /Оберхаузен/
Алексей ГЛУХОВСКИЙ /Баден-Баден/
Артур НОВИКОВ /Киев/
Юрий БЕРГ /Франкфурт-на-Майне/
Анна МЕРТЕНС /Оберхаузен/
Елена ЭЛЕНТУХ /Эвен Йехуда/
Борис ФАБРИКАНТ /Борнмут/
Лейла БЕГИМ /Литомержице/
Инна ИОХВИДОВИЧ /Штутгарт/
Владимир СЫЧЕВ /Берлин/
Татьяна РЕТИВОВА /Киев/
Евгения ДЖЕН БАРАНОВА /Москва/
Алёна РЫЧКОВА-ЗАКАБЛУКОВСКАЯ /Иркутск/
Григорий БРАЙНИН /Бердянск/
Владимир ЗАГРЕБА /Париж/
Елена МАЛИШЕВСКАЯ /Киев/
Дима КАНДИД /Франкфурт-на-Майне/
Марк ШЕХТМАН /Иерусалим/
Римма ЗАПЕСОЦКАЯ /Лейпциг/
Ирина ВАЛЕРИНА /Минск/
Элеонора КУЗНЕЦОВА /Херсон/
Мария САВКИНА /Санкт-Петербург/
Юрий СЕМЕЦКИЙ /Москва/
Ангелина ЯР /Киев/
Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ /1958–2015/
Лера МУРАШОВА /Москва/
Полина ОРЫНЯНСКАЯ /Балашиха/
Григорий ВАХЛИС /Иерусалим/
Элла КРЫЛОВА /Москва/
Сергей БОГОМОЛОВ /Минск/
Александр МЕЛЬНИК /Льеж/
Дина ДРОНФОРТ /Франкфурт-на-Майне/
Александр ЛАНИН /Франкфурт-на-Майне/
Марина ГЕРШЕНОВИЧ /Дюссельдорф/
Валерий РЫЛЬЦОВ /Ростов-на-Дону/
Марина ГАРБЕР /Лас-Вегас
Виталий АМУРСКИЙ /Париж/
Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ /Ставрополь/

Анна ГЕРМАНОВА /Оффенбах-на-Майне/
Борис МАРКОВСКИЙ /Бремен/
Татьяна ИВЛЕВА /Эссен/
Вероника ДОЛИНА /Москва/

В оформлении обложки использована картина английского художника Одилона Редона (1840–1916) «Золотая клетка» 1892. Масло и сусальное золото на бумаге Британский музей Лондон

© Коллектив авторов, 2019
© Т. Ивлева, составление, 2019
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Пилигримы пятизвездных кочевий

Мировое началось во мгле кочевья...
Марина Цветаева

Что ты ищешь, поэт, в кочевье?
Андрей Вознесенский

Однажды, в доверительной беседе с российским поэтом Валерием Рыльцовым была затронута тема русской эмиграции, которую я назвала «кочевьем». В ответ на это Валерий в шутку добавил пять звездочек – «Пятизвездное кочевье», по поводу чего мы обменялись стихами – совсем не шутивными.

Беглецы, скоморохи, смутьяны,
эмигранты имперских орбит,
не о вас ли у музы Татьяны
нелетающий ангел скорбит...

Унесенные ветром скитальцы,
пилигримы холодных пустынь...

В. Р.

Сквозняки пятизвездных кочевий
Над песчаным свистят пяточком,
Выдувая сыновне-дочерний
Смысл в понятиях: Родина, Дом...

Т. И.

Так родилась идея этого сборника. Коннотациями «кочевья» в контекстах русской, и в особенности, русской зарубежной литературы являются близкие по духу и по смыслу понятия: «путь», «дорога», «бесприютность», «бездомье», «безвременье», «вольница», хаос. В смысловом значении этих синонимичных понятий, бесспорно, проявлен сюжет «бездомности-кочевья», порожденный эпохой распада гигантской империи, великого переселения народов, массовых миграций и возникновения – на обломках хаоса – эмигрантской литературы, получившей официальное название: Русская зарубежная литература. Различают три периода (три волны) русской эмигрантской литературы. Первая волна – с 1918 г. до начала второй мировой войны – носила массовый характер и до наших дней представляет наибольшее культурное и литературное значение. Вторая волна (1940–1950) возникла в конце Второй мировой войны и не отличалась таким массовым характером, как эмиграция из большевистской России. Большинство писателей второй волны печатались в выходившем в Америке «Новом журнале», также в журнале литературы, искусства и общественной мысли «Грани». Третья волна (1960–1980) началась после хрущевской «оттепели» и вынесла за пределы России крупнейших писателей. Писатели-эмигранты третьей волны принадлежали к поколению разочарованных «шестидесятников». Многие из них были лишены советского гражданства. Оказавшиеся в изоляции от «старой эмиграции» представители третьей волны открыли свои издательства, создали альманахи и журналы.

О феномене первых трех волн много написано, однако серьезных исследований о четвертой волне русской эмиграции и ее литературной жизни практически не существует. Далеко не полностью изучены причины и мотивы, не сказано слово о развитии русской литературы в ближнем и дальнем зарубежье.

Собственно, это и является темой нашей книги: поиск себя, размышления о смысле бытия, переоценка ценностей, метания и мытарства, устроенность и сиротство «эмигрантов имперских орбит» в рамках нового географического, этнического и ментального пространства. В своих произведениях авторы – пилигримы пяти-звездных кочевий – отразили не только суровый лик нашего безвременья, но и свои судьбы, мысли, чувства и чаяния. Поиск личной судьбы в лабиринтах мирового кочевья, поиск духовный – это тоже кочевой путь, который предстоит пройти каждому гражданину мира. В этой жизни мы все эмигранты. Да и душа наша – кочевница ночная – постоянно в пути...

В заключение хочу поблагодарить всех участников этой антологии. Моя особая признательность за помощь и поддержку в осуществлении проекта авторам Анне Германовой, Дине Дронфорт и Дмитрию Кандидову.

Татьяна Ивлева
Ноябрь 2018 – Эссен

Александр Городницкий /СПб./

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П.П.Ширшова РАН.

Переулки Арбата¹

Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата, —
В перелив, перепев, перезвон,
К той земле позабытой,
Позабытого быта, —
Только в сердце останется он.

Утомленное солнце
Освещало оконце.
Радиола стояла в окне.
Звуки старого танго,
На портрете Вахтангов
Неожиданно вспомнятся мне.

Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата,
К незапамятным тем временам,
С нашей юностью шаткой
И Собачьей площадкой,
Что однажды привиделась нам.

Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата,
Но оплакивать их не спеши:
Есть звенящая вечность,
И щемящая верность
Оголенной, как провод, души.

Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата,
В позабытые нынче года.
Этот мир необъятный
Не вернется обратно,
Никогда, никогда, никогда.

2015

¹ Написано в соавторстве с Анной Наль (поэт, переводчик, жена А.Городницкого. 1942–2017).

Михаэль Шерб /Дортмунд/

Родился 3 февраля 1972 года в Одессе. Закончил физический факультет Одесского государственного университета по специальности «теоретическая физика». С 1994-го живет в Германии. Окончил Технический университет Дортмунда по специальности «прикладная информатика». Работает разработчиком компьютерного обеспечения. Автор сборников стихов: «река», «семиКнижие», «стеклодув». Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Крещатик», «ШО», «Эмигрантская лира», «Номо Legens» и др. Член редакции журнала «Эмигрантская лира». Победитель фестиваля Эмигрантская лира-2013 и Чемпионата Балтии по русской поэзии-2014. Лауреат премии Таблера 2017.

Я прошу прощения...

Я прошу прощения у цветущей жимолости, у мелющих жерновов,
У жизни прошу прощения и у смерти любой. На коленях и стоя,
Прошу прощения за несовершенство свое и своих слов,
И за то, что не знаю, где я, и за то, что не ведаю, кто я.

И за то, что не знаю, почему я здесь и чего я хочу,
И не знаю ответа на вопросы «куда идешь?» и «кому служишь?»
Я могу лишь свечу зажечь, а после – еще свечу, —
Миновавшую жизнь приготовить себе на ужин.

Я помню, как тени с деревьев бросались на шею мне,
Я помню, как свет воссиял между ровных грядок,
И то, и другое предшествовало войне, —
Битве за хаос, или борьбе за порядок, —

Я не мог различить. А впрочем, не все ли равно,
Если знаешь ответ на вопросы: «Кого ты любишь?», «Кому ты
веришь?»
Я смотрел черно-белый фильм – и видел цветное кино,
Я был на балете в Большом – там в экстазе танцует дервиш.

Огарок

Спешил, – белоснежный и чистый, —
Как прежняя русская речь,
На лапах еловых лучиться,
Платанам на плечи прилечь.

Кружась меж домов и соборов,
Обзор заметал, невесом,
Расставил фарфоровый город, —
Сервизом на сотни персон.

Слетал на косынки и шубы,
На выбоины мостовой...
Постой, не облизывай губы,
Не прячься в подъезде, постой!

С кислинкою запах сосновый.
Морозно ль щекам? Горячо.
Чего ж так не терпится – новый?!
Ведь этот не старый еще.

Пока он исполнен свеченья,
Бордовой припухлости гланд,
Пусть выложит слово «сочельник»
Лампадками тусклых гирлянд.

Рассветов густая заварка
И сумерек ранних ленца...
Пусть жалость свечного огарка
Во мне догорит до конца.

СНЫ

Под зимним небом заварным
Не сладко ль птицам спится?
Соткали новый саван им
Рождественские спицы.
Уснули птицы – не буди,
Уснули человеки, —
И стала кожа на груди
Прозрачнее, чем веки.

Через прорехи этих век,
Запрета не нарушив,
На стужу смотрит человек,
Душа глядит наружу,
Не различая сквозь печаль
Склонившиеся лица.

Меж облаков проходит вдаль
Луна, как проводница,
Оставив тучи зависать
Над городской чашкой,
Трущобы превращать в леса,
Особняки – в стекляшки,
Метать морозную икру
На чистые салфетки,
Пока по стенам на ветру
Слепые шарят ветки.

Стряхнул на землю пух и прах
Протяжный выдох горна:
Летит пространство на санях
В далекое просторно,
Где видит перистые сны
О журавле синица,
И пряжа тонкая зимы
Поземкою струится.

Ухмыляясь, месяц тонкий...

Ухмыляясь, месяц тонкий
Уплывает за карниз.
Свет просыпан из солонки:
Резок, бел, крупнозернист.

Наши жесты пахнут мылом, —
Так фальшивы и грубы.
Расставание уныло,
Словно прыщик у губы.

Друг без друга, бук без дуба —
Девять лет ли, сорок дней?
Я Гекубе иль Гекуба
Мне тебя теперь родней?

Что ж осталось между нами,
Старшемладший брат-чужак?
Вот застряло меж зубами, —
И не вытащить никак...

Б. Н

Убитый зимней ночью на мосту,
Он не успел заметить выстрел в спину,
Но оказался через пустоту
Перенесенным к земляному тыну
В иной, нечерноземной полосе:
Горит на лбу веревка шрамом алым,
На языке – трава, вкуснее всех
Возможных слов, – и тех, что прежде знал он,
И тех, что неизвестный человек
Теперь над головой его бормочет:
Пускай невнятен странный диалект,
Зато понятен общий смысл пророчеств.
Сей жребий от него не отведет
Ни смерти, ни предвосхищенья чуда.
И он бежит назад, потом вперед.
Потом летит... Куда летит? Откуда?

В саду идей

В саду идей
Спит иудей,
Не видя снов,
И думает: «А был ли пуст
Тот куст,
Когда он загорелся,
А может, жило в нем счастливое семейство
Веселых птиц или шустрых грызунов?
Не повредило ли им куста горенье?»
Он видит: словно алое варенье
Стекает с веток, пламенем объятых,
И понимает: будет смерть густа
И глубока, как ров, в который крик пернатый
Слетает с ежевичного куста.

Пятница

Ни мига не терял, пока ходил под небом.
Была земля его напором смущена.
Он разбивал сады, и глобулы молекул
проращивал легко, как семена.

Он отдыха не знал, пока в ночи бессонной
гудел огонь вулкана, как гобой,
и познавал накал упорной, изощренной
борьбы, но не с другим, а лишь с самим собой, —
вновь создавал цветы, но были их бутоны
покрыты, как глазурью, скорлупой.

Он больше ждать не мог, он так хотел увидеть
их нежность и задор, их формы и цвета,
что, позабыв о сне, стоял у верстака,
составы смешивал и раздувал горнило,
чтоб гибкость стебля и полет листа
соединить в неразделимый сплав, —
и, сотворив перо, его макнуть в чернила, —
и вот уже рука по воздуху чертила
стремительность крыла и легкость птичьих стай.

Он снова создавал, и снова рвал на части,
то в тигле расплавлял, то снова сквозь валки
прокатывал, и, словно непричастен
ни к замыслам своим, ни к мастерству руки,
смотрел без восхищения, без страсти,
как в чашечке цветка кошачьей пасти
тычинками прорезались клыки.

Май

Под вишнями не стол – столопотам,
Гудроном пахнет теплая клеенка.
Весенний свет похож на олененка:
Дрожит и прислоняется к стволам.

По папиным премудрым чертежам
Мангал был сварен из полосок стали,
Глядишь, прищурясь, на огонь в мангале
И жар в лицо, и холодно плечам.

Попсу играет радио «Маяк»,
Гудит пчелиный улей обертоном.
Распахнутым цветастым балахоном
Висит весна у сада на ветвях.

Сад

Покуда на скамейках стар и млад
Вкушают солнце, нежатся в затишье,
Весна тайком сооружает сад,
Возводятся трава, сирень и вишни.

Прислушайся к строительству цветов,
И ты услышишь, если слух твой тонок,
Натужный скрип канатов-черенков,
Ритмичный стук бутонов-шестеренок.

Недужинны усилия лозы
Удрать побегом из двумерных клеток,
Вставляя стебли в новые пазы
Казалось бы, навек уснувших веток.

Воздвигнется мой сад, стеклянный куб,
Вместилище для соловьиной ночи,
Не известью – пылью коснется губ,
Притронется к щеке ветвями строчек.

Оправленный грозой в ночной графит
Украшенный созревшими плодами,
Мой сад однажды над землей взлетит,
Соединится с лунными садами.

Лицо дождя

Не скучно наблюдать, как всходит рожь,
Как темный голубь чертит в небе кистью,
Волнами по ветвям проходит дрожь, —
Так крестит дождь младенческие листья.

Уже обувшись и надев пальто,
Задумалась и, зябко сгорбив плечи,
Стоишь одна и шуришься в окно,
Глядишь в лицо дождя, как в человечье.

Пока в прямоугольнике окна,
Весенний шар качается на грани, —
Ты – неподвижна: ты заключена
В хрустальной сфере собственных мечтаний.

Взмахнешь рукой, чтоб прядь убрать с виска,
Которая твой взгляд пересекает, —
И в этом жесте бледная рука
Надолго, словно в гипсе застывает.

Наш город превратился в водоем,
И дождь теперь по водной глади хлещет,
Внутри ковчега мы с тобой живем,
Но только не зверье вокруг, а вещи.

Нас стены облегают, как бинты,
Закрыты двери, словно створки мидий.
И больше нет в квартире пустоты,
А если есть, то мы ее не видим.

Ирония

На солнце гляжу сквозь кроны я:
Сгорает листва в кострах.
В стихах, как везде: ирония
Лишь прикрывает страх.

За свечи, за их свечение
Ночь предъявляет счет.
Страх перед исчезновением.
А перед чем же еще?

Торжественно и степенно
В забвенья палеолит
Спускается память ступенями
Разбитых могильных плит.

Но, даже уже прижаты
Ко дну земляной волной,
Спасаем имя и даты,
Держа их над головой.

Дмитрий Гаранин /Нью-Йорк/

Родился и вырос в Москве в годы брежневского застоя. Окончил МФТИ, защитил диссертацию по теоретической физике. В 1992 эмигрировал в Германию, работал в университетах. С 2005 года – профессор на физическом факультете Lehman College CUNY в Нью-Йорке. Писал стихи в 1978–82 и 1988–89 годах, затем с конца 2012 года. Автор многих книг стихов, изданных под собственной маркой Arcus NY. Публикации: «Крещатик», «Слово/Word», «Журнал Поэтов», «Дети Ра», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Сетевая словесность», «Золотое Руно», «Черепаша на острове», «Мастерская», Антология «70», «Литературная Америка», «Черновик-онлайн», «9 Муз», «Asian Signature» (Индия, на английском). Полный список публикаций: <http://www.lehman.edu/faculty/dgaranin/poetry.php>

Бессонница

Струится птичий гвалт бездонною рекой,
пересекая распаленный мозг.
Несет обломки сна, взорвав ночной покой.
Мутит сознания поверженный колосс.

Какой корабль всплывет из зыбкой глубины
сквозь памяти невидимую рябь?
Кем палубы его заселены?
Размытых образов там вымысел иль явь?

Не разобрать в мерцающей глуши!
Останутся в забытых закромах —
лишь день взойдет, рассветом потушив
ночной пожар – сверкнут и не ищи!
Уйдут на дно, как тонких весел взмах.

Baden-Baden, июнь 2014

«В течение пяти часов заката...»

В течение пяти часов заката
На запад устремлялся самолет
Под крыльями багровых облак вата
Скрывала воды северных широт

Сковала скорость времени течение
Остановив веретено Земли
Чтобы людей летящие мишени
Хотя б на время ускользнуть могли

От стрелок тех часов неумолимых
Что целятся из жизней вычесть день
На шаг приблизив женщину без грима
Свою на нас бросающую тень

Icelandair, 26 января 2017

SKRIK (по картине Эдварда Мунка)

Ярко-красные полосы небо пересекали —
Там последняя кровь заходящего сердца текла
над водою фиорда цвета холодной стали
струями в черных гор тюленьи тела.
Пара друзей в цилиндрах художника обогнали,
по мосткам деревянным вышагивая в никуда,
не тревожа разливающейся печали,
среди которой вдали рыболовные стыли суда.

В этот момент вслед за цветами бойни
звук пугающий в чуткое ухо проник —
воплъ природы, достигший души беспокойной,
чтоб в картине остаться с норвежским именем «Skrik».

New York, 16 мая 2016

«Любовь – это начало, смерть – конец...»

Любовь – это начало, смерть – конец.
А все, что между, можно пропустить,
весь путь в мгновение проследив, как спец,
события жизни нанизать на нить
и вывесить сушиться, как грибы,
чтоб ими напитать чужой досуг,
а сам – от алости до синевы —
как мост, зависнуть на опорах двух.

New York, 24 мая 2017

«Трагизм существования дамоклов...»

Трагизм существования дамоклов
Конца отсроченного ожиданье
Куда бежать снаряды рвутся около
В круговорот зовут отдаться данью

Но почему заткнуть воронку рванью
Такой как я внезапно стало важно
Я не достиг еще солнцестоянья
И не издал широкий звук протяжный

В открытый мир из сокровенных скважин
Глубин ветвистых хромосом и генов
Где смысл и образ по закону сложен
Что всем услышать нужно непременно

L'Autoroute du soleil, 30 июня 2017

«И чудно, и торжественно вокруг...»

И чудно, и торжественно вокруг,
как будто что-то важное свершилось —
от человечества ушел во тьму недуг,
которым бог являл свою немилость,
и жизни путь, лишившийся конца,
за бесконечность по кремню проходит...
Скажи звездам от первого лица,
что ты душой равновелик природе,
пока Земля под их сияньем спит
и свежей мглою полнятся долины...
Всей боли выход из тебя открыт —
ты, как ребенок, смотришь в мир невинный,
где над тобою зеленеет дуб,
где, наконец, в тени ветвей пригожих
густой траве как брат родимый люб,
на отдых свой остановиться сможешь.

New York, 17 октября 2017

«Это тот, которого нет, но кто...»

Это тот, которого нет, но кто
кое-кому помогает себя ощутить вдвоем.
В вакууме вокруг тебя ток
прошуршит еле слышно ночью, а реже – днем.

Чу, направляешь ты вглубь слух
или вверх в источающий слово его свод.
Струйкой тянется диалог двух,
за которым спокойствия, словно весны, приход.

Внешне все по-прежнему, но
позарастала, неожиданно, зияющая пустота
неразрывными нитями, и решено:
ты не провалишься в небытие с холста.

New York, 22 декабря 2017

Гимнастка в Риверсайд-Парке

В позе восточной гимнастики полуокаменев,
восково поворачиваясь всем телом,
удивляет прохожих и разинутый львиный зев
долгожительница у жизненного предела.

Кожей, как папирус эпох времени в глубине,
смущает свежесть цветов, раскрывшихся в парке.
От ненужного веса освободившись вполне,
держит руки сухие вверх покосившейся аркой.

Словно капсула от ракеты, завершившей полет,
сведена к минимуму в остатке существования,
переходя на сетку духовных долгот и широт,
сострадания зевак не принимая, как дани.

New York, 2 июня 2018

Оптическая песнь

Е. К.

Зеленые прямоугольники
Лежат в разрезах клиньев желтых
Пускай глаза протрут дальтоники
В виду красот высоковольтных
Струящих цвет под небом матовым
Среди просторов юной Бельгии
Чтоб каждый зрением охватывал
Картину беглого мгновения
Раскрытым спектром восприятия
Все поглощая понемногу
Чтоб заменить Рембрандта патину
Кричащей оптикой Ван Гога

Bruxelles – Paris, 7 июля 2018

«Рестораны карабкаются вверх по улочкам Канн...»

Рестораны карабкаются вверх по улочкам Канн
Гады моря в бою оставляют клешни
С виноградников стекает вин океан
Белых розовых что лучше идут в тени
Гордых пиний чьи круглые кроны на голубом
Ярость солнца скрывают лучше любых зонтов
Защищая столики меж гранитных колонн
В честь героев в Африке павших за дело то
Чтоб на нашем светилась Африка берегу
В черных лицах в арабской картавости языка
Чтобы старую Францию как иголку в стогу
Отыскать туристам задача была легка

Cannes, 14 июля 2018 – День взятия Бастилии

Фейерверк в Каннах

Расцветивая неба черноту
малиновым, серебряным, зеленым,
в течении мгновений, на лету,
вставая, как нестойкие колонны,
то кроны пальм, из точки расходясь,
кидая в воздух золотые ветви,
чтоб в высоте сгореть, но не упасть,
перед толпой держали путь ракеты,
и фейерверку не было конца,
и музыка, чтоб зрелищу накала
придать, на все звучала голоса
и, мнилось, выше залпы подымала,
смотрящим действо придавая сил,
всем без разбора, будь хоть перестарок...
Что из того, как долго ты светил —
считается лишь то, насколько ярк.

Sanremo, 22 июля 2018

Ханох Дашевский /Иерусалим/

Поэт, переводчик и публицист. Член Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ), Международного Союза писателей Иерусалима, Международной Гильдии писателей (Германия), Интернационального Союза писателей (Москва), Литературного объединения «Столица» (Иерусалим). Родился в Риге. Учился в Латвийском университете. В 1971–87 гг. участвовал в подпольном еврейском национальном движении. В течение 16-ти лет добивался разрешения на выезд в Израиль. Был одним из руководителей нелегального литературно-художественного семинара «Рижские чтения по иудаике». В Израиле с 1988 г. Живет в Иерусалиме. Лауреат премии СРПИ им. Давида Самойлова (2017) за книгу «Из еврейской поэзии» (Москва «Водолей» 2016).

Хаим Нахман Бялик (1873–1934)

Перед закатом *Перевод с иврита*

Обними мои плечи, ко мне приникая
Предзакатной порою,
И окно в необъятный простор, дорогая,
Распахнем мы с тобою.

И лишь вспыхнет сиянье волшебной зарницы
И откроется взорам,
Мы к нему устремимся, как вольные птицы
К заповедным озерам.

Полетим и исчезнем за багряной грядой,
Словно голубь с голубкой,
Где-то в пурпурном блеске, рядом с яркой звездой
Ослепительно-хрупкой.

То миры наших грез – золотые долины
Далеко во Вселенной;
Из-за них наша жизнь стала игом чужбины,
Стала вечной геенной.

Те миры нас манили, как во мраке изгнанья
Свет отчизны желанной;
И мерцали для нас, словно в знак состраданья,
Тусклой ночью туманной.

И печально мы вянем, как ростки, чье цветенье
Надломила неволя;
И все ищем далекой звезды отраженье
Среди чуждого поля.

Федерико Гарсиа Лорка (1899–1936)

Просьба о письме *Перевод с испанского*

Любовь, как смерть, как зов из недр страданья,
все тщетно жду, пока пришлешь хоть слово,
хоть каплю влаги для цветка больного,
чей стебель вянет в муках ожидания.

Но вечен воздух. Камень без дыханья
не может видеть мрака рокового.
Не хочет сердце наслаждаться снова
холодным медом лунного сиянья.

И в битве, где голубку тигр терзает,
там кровь моя из вскрытых вен струится,
и листья лилий в траур одевает.

Так дай словам в мое безумье влиться,
или оставь в ночи, что навевает
мне сон души, в котором тьма роится.

Николоз Бараташвили (1817–1845)

Мерани

Перевод с грузинского

Дорога коня моего над землею взлетела,
И ворон зловеще кричит за спиною моей.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полету предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Простор рассеки! Пронесись над скалой и потоком!
Вперед, мой Мерани! Дни странствий моих сократи.
От ливня и зноя не прячься в ущелье глубоком.
Усталость мою не жалей и, как буря, лети!

Пусть близких покину и голос любимой забуду,
Пускай не увижу друзей и родного жилья,
Где встречу рассвет – там страна моя будет повсюду,
И тайну души только звездам поведаю я.

Стон сердца тоскливый, как знак, что любовь не истлела,
Отдам я порыву коня и волненью морей.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полету предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Пускай не схоронят меня на погосте родимом,
И пусть не прольет моя милая слез надо мной,
Мне выроет ворон могилу в краю нелюдимом,
И вихрь мои кости с рыданьем засыплет землей.

Падет вместо слез на могилу роса голубая,
И только орлы будут в небе над прахом скорбеть.
Взмывай же, Мерани, за грани судьбы улета!
Кто был непокорен – не станет покорным и впредь!

Пусть грозы омоют мое неподвижное тело,
Враг доли своей – не устану бороться я с ней.
Лети, мой Мерани, лети! Нет полету предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Бесплодным не будет стремление сердца больного.
И, может быть, чей-то отважный скакун за тобой
Помчит, мой Мерани, по нашей дороге другого
В последнюю битву, в сражение с черной судьбой!

Дорога коня моего над землею взлетела,
И ворон зловеще кричит за спиною моей.

Лети, мой Мерани, лети! Нет полету предела!
Сомненья мои и печали по ветру развей!

Борис Хазанов /Мюнхен/

Борис Хазанов (псевдоним Г.М. Файбусовича) родился в Ленинграде, вырос в Москве. Учился в Московском университете, на последнем курсе филологического факультета был арестован, получил 8 лет по обвинению в антисоветской агитации, отбывал наказание в Унженском исправительно-трудовом лагере. Позднее окончил медицинский институт, работал врачом, кандидат медицинских наук. В связи с участием в Самиздате был вынужден покинуть Советский Союз и поселился в Германии. Автор романов, рассказов, эссеистических произведений. Премия «Литература в изгнании» (Гейдельберг), несколько премий Международного ПЕН-клуба, «Русская премия» (Москва), премия имени Марка Алданова (Нью-Йорк), шорт-лист премий «Русский Букер» и «Большая книга».

16 января 192*

Время настоящее и время прошедшее содержится в будущем. А будущее – во времени прошедшем.
Т.С. Элиот

*Только там по гулким залам
Там, где пусто и темно,
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.*

Андрей Белый

Принимаясь за этот рассказ, я думаю о том, что окажусь в двусмысленной роли историка, который описывает прошлое, зная о будущем, то есть о том, чем закончится это прошлое, – зная, к чему оно приведет. Ему дано обозреть пучок расходящихся дорог, ведущих в будущее. Призрак будущего, этой таинственной, скрытой от нас реальности, – ожидающего, подстерегающего, коварного будущего, – сумею ли я его расколдовать?

Здесь стоит дата. Ориентировочная, без необходимости уточнять год. Этот день, потонувший в пучине прошлого, вряд ли что-нибудь скажет читателю. Я, однако, вынужден его выделить: шестнадцатое января – мой день рождения. Боже мой, сколько же мне тогда исполнилось? Лучше не вспоминать. Впрочем, я все отлично помню.

...Видите ли, одно дело помнить, другое – вспомнить. Память минувшего, говорит поэт, беременна будущим. Мы о нем еще ничего не знаем, оно остается нерожденным, прежде чем, родившись, умрет в настоящем. Но довольно говорить загадками, вернемся к этому, увы, тоже эфемерному настоящему. Первый послевоенный день рождения, мне 17 лет. Многому суждено будет перемениться, когда время, повитуха памяти, пособит разрешиться этому дню от бремени набухшего, зреющего будущего.

Да, изменится чуть ли не все. Исчезнет переулочек, где стоял наш дом. Не станет двора, где прошло мое скудное, счастливое детство. Жильцы? Никого, ни единой души. Наконец, гости именинного застолья, – где, в каких далях их настигло, куда увлекло за собой хищное будущее?.. Все сейчас прояснится.

Была такая тетя Лиза, Елизавета Мироновна, двоюродная сестра моего отца, пианистка и преподавательница музыки, живая, черноглазая: вижу ее, как теперь, сидящей за нашим инструментом старинной немецкой фирмы, с двумя медными канделябрами и двуглавыми орлами поставщиков императорского двора, на пюпитре развернуты ноты. Смеясь, играя бровями, тетя Лиза оборачивается к гостям, нажимает на педаль носком узкой лакированной туфли. Вальс из «Фауста». Рядом, положив обнаженную руку на пианино, стоит наша дальняя родственница, невысокая, рыженькая и веснушчатая Рива Меклер в модном крепдешиновом платье в цветах, с глубоким вырезом, открывающим ущелье полных груди, и квадратными накладными плечами, в огромных, как корабли, белых туфлях на высоких каблуках. Рива Меклер поет тонким голоском «В небеса самолет поднимая, с облаками беседую я», поет «Спи, любимый сын, тикают часы, мячик закатился под кровать...» – шлягеры той поры. Ей 27 лет, слишком много молодых девушек вокруг, мужчин мало, но Рива все еще не теряет надежду выйти замуж. Она приехала из Молдавии, живет у нас без прописки, на птичьих правах. Во время оккупации ее родители, братья, сестры и обе бабушки погибли, из одиннадцати тысяч обитателей кишиневского гетто всего шесть человек осталось в живых. Журчит пианино, руки

тети Лизы обегают клавиатуру, берут бравурные аккорды, гости поднимают бокалы. И вот тут это случилось. В коридоре раздался, лучше сказать – грянул – звонок.

Три звонка. Значит, к нам. Музыка смолкла, тетя Лиза перестает улыбаться и переворачивает ноты.

Рива Меклер побледнела, хотя вряд ли можно было угадать это под слоем пудры. У Ривы нет прописки.

«Милиция, – шепчет она в ужасе. – Это за мной». И снова три нетерпеливых звонка.

Никто не решается встать и выйти в коридор, молча сидят и ждут. Один только виновник торжества поднялся из-за стола.

И дверь нашей комнаты растворилась. Там стояла невиданная, незваная гостья – высокая женщина в черном, в карнавальной маске. Обомлев, мы уставились на нее. Кто-то удушливо хихикнул, тотчас все смолкло, Кто такая?

Тонкая рука поднялась из-под плаща с красной подкладкой и поманила меня к себе.

«Стой, не ходи!» – кто-то снова прервал молчание.

Потом другой голос, рассудительно: «Может, вызвать милицию?» – возразили: «Зачем? Пусть садится с нами». – И сразу: «Милости просим!» Все зашевелилось, засуетилось, пододвинули стул. Гостья топнула ногой. Под гипнозом ее взгляда в узких прорезях маски я поплелся к ней сам не свой.

Не знаю, как долго мы прождали вдвоем в тишине и полутьме коммунального коридора, под болезненной лампочкой в потолке. Пришлица была высока и стройна. Теперь, вспоминая ее визит, не могу удержаться от сравнения. Она явилась из Тринадцатого года! Я попробовал приоткрыть дверь нашей квартиры – там продолжался праздник. Слышались приглушенные голоса, донеслось пианино...

Маска покачала головой.

«Оставь», – сухо приказала она. «Но они там ждут!», – сказал я.

«Оставь! Их больше нет». «Как это, нет. А музыка?»

«Никого нет».

«Откуда вы знаете?»

«Забудь их. Закрой дверь».

«А я?»

Она усмехнулась.

«Когда-нибудь, и тебя не будет».

«Когда?» – спросил я.

Ответа не было. Маска вела меня, холодные пальцы сжали мою кисть. Позади нас шелкнула английским замком дверь коридора. Вышли на лестничную площадку и стали подниматься. По этим перилам мы съезжали в детстве. Этаж, еще этаж; я покорно следовал за незнакомкой. Меня не оставляла мысль о гостях. Я не решался переспросить. Время шло или застыло на месте, нас провожала непробудная тишина. Дом спал или вымер. Вот и площадка последнего, верхнего этажа; в неверном свете дня, просочившемся из слухового окна, мы остановились передохнуть. С двух сторон – двери квартир, на каждой табличка с фамилиями съемщиков, дореволюционный звонок-вертушка с надписью «Прошу повернуть». Вожатая – по-прежнему траурная маскарадная маска скрывала наполовину ее лицо – протянула узкую руку к рычажку, и за дверью послышалось дребезжанье звонка. Квартира была нема. Маска вынула из плаща кинжал.

Наконец, звякнула цепочка, нам отворил маскированный ливрейный лакей, молча, отступив назад, отвесил глубокий поклон. Спутница спрятала свое бутафорское оружие. Мы вступили в прихожую. На рогах вешалки висела оперенная шляпа, болталась на шнурке атласная маска. Мне водрузили на голову шляпу, нацепили маску. Я должен был играть отведенную мне роль. Но какую?

Пожалуй, следует сказать еще два слова о нашем доме в Большом Козловском переулке, близ Чистых прудов. Дом этот был, если не ошибаюсь, построен в эпоху экономического подъема незадолго до рокового Четырнадцатого года. Дом был доходным, квартиры сдавались, выражаясь по-гоголевски, господам средней руки. Лакей, впустивший нас, удалился. Миновав длинный, тускло освещенный коридор, остановились перед двойной как бы торжественной дверью. Новая неожиданность подстерегала меня. Спутница щелкнула худыми пальцами; тотчас створы раздвинулись.

Там находился большой зал, огоньки свечей на столиках скрадывали пространство, лица посетителей в маскарадных костюмах были почти неразличимы. Мне почудилось, что я вижу своих именитых гостей. У зашторенного окна в углу между зажженными канделябрами за роялем неподвижно сидела заметно постаревшая тетя Лиза. По-прежнему, положив обнаженную руку на инструмент, стояла Рива, кутаясь в цыганскую шаль. Заметив меня, она ласково мне кивнула. Минуту спустя к нам подбежала, неся что-то, девушка, одетая чертом, в красном атласе, обтягивающем маленькую грудь и ягодицы. Склонившись, разлила по бокалам искрящийся напиток. Все стихло, публика молча ждала, когда начнет петь Рива Меклер.

«Мне кажется...» – начал я, но не успел договорить. Вожатая прервала меня.

«Ошибаешься, я ведь говорила тебе... Это не они. Их больше не существует, да и никого здесь не существует».

Она коротко прибавила, глухо звучал ее голос. Я не мог поверить. Обе, певунья и пианистка, давно умерли. Тетя Лиза, дожившая до глубокой старости, впала в маразм и уже не прикасается к клавишам. Рива Меклер так и не дождалась женихов, заболела неизлечимой женской болезнью и была оперирована, словно судьбе было недостаточно того, что Рива пережила на родине, она прикрывала шалью безгрудую грудь.

Мы сидели тет-а-тет, меня подмывало спросить, что будет со мною. Я не решался.

«Впрочем, – прибавила она, – ты кое-что забыл. Сегодня шестнадцатое января».

«Ах да... – пробормотал я. – Вот как». И сорвал, наконец, с лица свою маску.

Девушка-черт в атласе принесла в бокале черный цветок. С чашей в руке моя собеседница ждала.

Я медлил.

«Пей, не бойся».

«Я умру», – сказал я.

«Когда-нибудь. Но я хочу сделать тебе подарок. Пригуби. Вино укрепляет мужскую силу...»

Я молчал.

«Что же ты? Дама выказывает тебе благосклонность, ты не отвечаешь. Так себя не ведут!»

Маска подняла руку, готовясь щелкнуть пальцами, вновь сотворился вчерашний лакей и проводил нас в отдельный кабинет. Должно быть, в лучшие времена комната служила спальней. Почти все место занимала широкая деревянная кровать с резной спинкой, лампа матового стекла в виде узорчатого цветка висела над изголовьем. Ночник под зеленым абажуром горел на туалетном столике, повторяясь в овальном зеркале на стене. И вся комната, брачное ложе, столик, портрет в раме на противоположной стене, – все тонуло в зеленоватом сумраке. Между тем в зале начало темнеть, послышалось движение, донеслись приветственные хлопки, шорох шагов. Пары вставали с мест, начались танцы – или это были призраки?.. Зазвучал рояль. Мертвая Елизавета Мироновна играла вальс из «Фауста».

Рывком моя госпожа сбросила маску. Я понял, что давно ждал и боялся этой минуты. Увидел ее бледное лицо, бескровные губы, глаза, обведенные темными кругами, и крылатые брови.

«Ты, – пролепетал я, – ты – Смерть?»

«Малыш, – проворковала она, – сколько тебе лет?»

Я мрачно ответил: «Семнадцать. Сегодня исполнилось».

«Тебя одолевают любопытство и страх, не правда ли? Ты можешь удовлетворить свою любознательность. Взгляни, не бойся... Ты еще не знал любви... Смотри, смотри на меня. Как ты меня находишь? Да, это будет последнее забвение, ведь соитие двух в любви – это репетиция смерти».

Неслышно вошел слуга, зажег свет над изголовьем и приготовил постель.

Траурные шелка упали к ногам моей любовницы. Она была невероятно худа и ослепительно красива. Я мгновенно отвел глаза.

Голос умолк, и ее расprostертая нагота призывала к себе, и времена неслись, настоящее стало будущим, и будущее превратилось в прошлое. Но сказанное оправдалось, ибо сон, объяввший нас, был подобен смерти. Сон одарил видением, которое вдохновило меня написать этот рассказ.

2013

Роман Айзенштат /Ришон-Ле-Цион/

Роман Айзенштат родился в 1946 году в городе Минске. До 45 лет проживал в Белоруссии. В 15 лет начал самостоятельную жизнь, перепробовал немало рабочих специальностей. Отслужил в армии, окончил Белорусский государственный университет, факультет журналистики. Был членом Союза журналистов СССР, членом Пресс-автоклуба СССР. Печатался в республиканской и союзной прессе, автор ряда текстов песен белорусских, российских и израильских композиторов. С 1991 года в Израиле. Автор шести поэтических сборников, вышедших в Израиле, Германии и России, многих коллективных сборников. Победитель и призер ряда фестивалей и конкурсов. Публиковал стихи в Белоруссии, Украине, США, Германии, Израиле, России. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, Международной гильдии писателей, кандидат в члены Интернационального Союза писателей.

«То ли птица кричит в ночи...»

То ли птица кричит в ночи,
То ль котенок плачет от боли...
Город спит за окном, он молчит,
Современный, почти мегаполис.

Но и в сонную эту тишь,
Как в давно забытую повесть,
Вдруг вплетаются звуки. Услышь!
Бродит чья-то бессонная совесть.

Ты и сам, проснувшись, порой
Ощущаешь в сердце тревогу.
Чей там голос? Нет, вроде не мой.
Значит рано ногами к порогу.

«Луг после дождя. Вот и солнце глянуло...»

Луг после дождя. Вот и солнце глянуло!
Экое богатство – весь в алмазах он.
Брошусь я в него, в это чудо пряное,
Знай, цветочный рай, я в тебя влюблен.
Весь в дожде, в цветах, и пропахший травами,
Возвращусь домой я с думою одной,
Нет, не жаль расстаться было мне с державою, —
Тяжело расстаться с стороной родной.

«В свой бывший дом, когда вернусь я строчкою одной...»

В свой бывший дом, когда вернусь я строчкою одной,
Мальчишка, что меня не знал, поймет: «Да, он родной!»
Он повторит ее не раз, смакуя каждый слог,
Он совершит, что я не смел, что сделать я не смог.
И если я своей строкой, ему помог хоть раз,
То от забвенья я себя его устами спас.

«Звучало грозно: эмиграция...»

Звучало грозно: эмиграция.
Навечно, до смерти, навзрыд.
Век снять сумел накал: миграция.
Уехал – это не зарыт.

Люд добрый, вместе с ним недобрый —
Вперед и взад поперх границ,
Они все те же злые кобры,
Но не препятствие для птиц.

Век новый нас лишил иллюзий,
Но глупость все еще сильна,
И доводы – «калаш» и «узи»,
И вряд ли защитит страна.

Идешь Тверской или Бродвеем,
«Калинка» в айфоне иль джаз,
Но вихри, что враждебны, веют,
Вот-вот докатятся до нас.

Вечная привязанность

И Пегас опустил свои крыльица —
За бугром исчезает кириллица.
Здесь другие у букв начертания,
Попривыкнешь? Лишь нужно старание?
Вот латинский, иврит, вязь арабского —
Не изменишь характера рабского.
Растворились в крови эти буковки,
Бережем, как тюльпанные луковки.
В каждой вкус молока материнского,
Ты прости, изощренность латинского.
Здесь другая у букв геометрия,
Только к старой привязан до смерти я.

В ягодах

Я чернику с голубикой привечаю,
С детства ягоды любил я собирать.
Так давно в другой стране по ним скучаю,
Но сегодня я в лесах родных опять.
Снова дарят мне они свои подарки —
Ягод сладостный, душистый приворот,
Слаще меда, крепче даже грешной чарки,
Как в помаде, голубой и синий рот.
Лес встает, как встарь, все ввысь зеленым храмом,
Хвойных стен его святое божество.
Будь ты для него Иваном иль Абрамом,
Примет все равно тебя, как своего.
Хоть на миг, на час хочу с природой слиться
И вобрать в себя ее смолистый дух,
Разучиться проклинать людей и злиться,
Поддержать огонь добра, чтоб не затух.
Я чернику с голубикой привечаю,
Словно с детством повстречался я опять.
В ягодах не лет, не зим не замечаю,
Видно годы вправду повернули вспять.

Кочевники

Кто мы? Кочевники без седел,
Оседлости поправшие черту,
Искатели комфортных родин,
Неприхотливые в быту.

Крутнулось время почему-то
Невидимым мельканьем спиц,
Совпали наши вдруг маршруты
С маршрутами полета птиц,

И покатили, покатили
По странам и по городам,
Без лошадей, но сами в мыле,
От старых к новым берегам.

Кочевникам всегда нейдет,
Иной оседлости бы рад,
Но сердце с ритма вдруг сорвется,
И он – вперед, лишь взгляд назад.

Прощайте, милые просторы,
Приметы детства и друзья,
Пинки, запреты и запоры,
Без них, казалось бы, нельзя.

Так рассуждает в клетке птица,
Ведь вся огромная страна,
В которой довелось родиться,
Чертой была окружена.

В той, бывшей, жили все мечтою
(Свобода – сказка для детей),
Что клетка станет золотою,
Родились, умирали в ней.

Но стала вдруг черта пунктиром,
Рассыпалась бывшая клеть,
В кочевья новые всем миром
Рванули дружно, чтоб успеть,

Подальше от былой границы
И к стойбищам, что так манят,
Другие языки и лица,
Где первые часы пьянят.

Потом минуты отрезвленья:
Нет, легкой жизни не найти.
Но, все ж, вперед, побольше рвенья!
Не сбить кочевника с пути.

И вновь оседлые покамест,
Лишь в гости по другим краям,
И любопытство, а не зависть
Ведет по избранным местам.

Да, мы – кочевники без седел.
Тоскуя по родным дворам,
Мы знаем: человек свободен,
Когда судьбу он выбрал сам.

Где родились, уж нету там.

«Давно я чижики не слышал...»

Давно я чижики не слышал,
Давно я пыжик не носил,
С тех пор, как из галута вышел,
С тех пор, как лыжи наострил.

А здесь совсем другие птицы
И ни к чему уже меха,
Стакан арака, ломтик пиццы
И радость нового стиха.

«Есть птицы, что поют по вечерам...»

Есть птицы, что поют по вечерам —
Извечный ритуал прощания с закатом.
Ты внемлешь их призывным голосам
И вспоминаешь: сам был птицею когда-то.

Ты тоже пел, когда заката луч
Таинственно скользил за крыши городские,
А перед этим на тебя из туч
Спускались звонким чудом капли дождевые.

Волшебная небесная купель
Одаривала чистым вдохновеньем свыше,
Сама собой в тиши рождалась трель,
И женщиной своей тогда ты был услышан.

«Эй, ты, человечья единица...»

Эй, ты, человечья единица,
Что дрожишь под буйными ветрами?
Бедная, боишься обнулиться,
В миг какой-то быть уже не с нами.

На большой Земле была ты с плюсом,
Только, в космосе, где нет границы
И Земля, как это нам ни грустно,
Тоже ведь не больше единицы.

Единичка, хоть дрожит, упорна,
Что не вечна, как ребенок злится,
В Землю глубже запускает корни,
В Космос дальний улететь стремится.

Умножает, делит, отнимает,
Стойко бьется в поиске решенья,
В хлопотах порою забывая,
О боязни вечной обнуленья.

«Мегазвездная ночь...»

Мегазвездная ночь,
чем ты можешь помочь
мне, землянину?
Меньше букашки
шарик наш голубой и озон, что над ним, —
тоньше он папиросной бумажки.

Лишь немногим дано
знать, что нам суждено
в этом мире прекрасном и страшном.
Ветром звездным гоним
и пока что храним,
хоть он вечно в бою рукопашном.

В чем и чья здесь вина?
Оседлала война
души наши, как конские спины.
Когда землю свою
мы дотла разорим,
поздно будет являться с повинной.

Мегазвездная ночь,
помоги, хоть отсрочь
нашей грешной планеты кончину.
Может быть, мы успеем,
в себе разглядим
человека сквозь облик звериный.

Океанский скиталец

Он знал паруса, как пять пальцев,
Когда еще юнгою был,
В семью океанских скитальцев
Вошел и диплом получил
С печатью муссонов, пассатов
И подписью южных морей,
И не было среди пиратов
Отважней его и храбрей.
Спускался он с шаткого трапа
На берег, всего – ничего,
И шторма когтистая лапа
Не тронула душу его.
И снова он в море, он в море,
Братается с горькой волной,
И горе, проклятое горе
Обходит его стороной.

...Реальность выводит из сказки,
Ему девять лет и он спит,
Парнишка прикован к коляске,
А мозг океан бороздит.

«Сад утренний, он потаенный...»

Сад утренний, он потаенный,
Не солнцем тронутый, росой,
Когда вхожу в него согбенный,
Не в латах витязя, босой.

Как странник из другого края,
Прошедший через зной пустынь,
Густую тень в себя вбирая,
Мне сердце шепчет: «Поостынь!»

Взгляни, как тих он и спокоен,
Какая мощь ветвей, стволов,
Ты разве не устал от войн,
От жара солнца и костров?»

Едва ли жизнь – одно боренье,
И разве радость – только бой?
Она и садом удивленье,
И знание, что есть покой.

Самой малости

Я в краю живу, где пальмы царственно
Вперемешку с кипарисами растут.
Хороши пейзажи эти яркие,
Только память детства не сотрут.
Я с лесами породнился сызмальства,
Запах хвои у меня в крови.
Где же ты, зеленое неистовство
Первой и утраченной любви?
На судьбу не сетую, не жалеюсь,
Наша жизнь, она всегда права.
Только хочется ну, самой малости,
Между сосен, чтоб в лицо – трава.
Мои сестры, сосны корабельные,
Гривою зеленою встряхнув,
Пропоют мне песню колыбельную,
И забуду я про все, уснув.

Мирабель

В саду, где золотилась мирабель,
Встречались в дни, когда мы были юны,
И певчих птиц весенняя свирель
Сулила нам неведомые руны.

Качались незапретные плоды
Над юными хмельными головами.
Любовь в саду жила. Ее следы
Незримые читали мы сердцами.

Лишь в юности умение читать,
Не зная знаков, только чувствам веря, —
Природный дар. Я в том саду опять,
Но предо мной уже закрыты двери.

Здесь нет тебя, и нет меня того,
Кто был готов на все, напропалую,
Себя отдав, добиться своего.
Ах, мирабель! Плод золотой целую.

«Цветут лимонные деревья...»

Цветут лимонные деревья.
Как сладок запах их цветов!
В плодах же – кислота кочевья
И горечь брошенных домов.

Ну, чем ты подсластишь утраты?
Каким ты медом их польешь?
Ешь кислый плод, пусть этой платой
Отметишь то, что не вернешь.

«Мороз добавил в снег крахмал...»

Мороз добавил в снег крахмал
С замерзших простыней,
Тот захрустел и застонал
Под тяжестью саней.

И лошади средь белых ос
Неслись, буланный вихрь,
Которому не брат мороз,
По-зимнему был лих.

Закутан в дедовский кожух,
Под боком, рядом с ним,
Я думал, маленький лопух,
Вся жизнь пройдет средь зим.

Давно то было, я подрос,
Сегодня среди тех,
Кто никогда не знал мороз,
Не мял руками снег.

Алексей Ланцов /Вантаа/

Алексей Ланцов – поэт, художник, литературовед. Родился в России, в Красноярском крае. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета им. И.Н. Ульянова. С 2006 года живет в Финляндии. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Автор книг стихов «Русская тоска» (Ульяновск, 2003) и «Бесстрашные глаза» (СПб., 2018), а также монографии «“Будут все как дети Божии...”: Традиции житийной литературы в романе Ф.М.Достоевского “Братья Карамазовы”» (СПб., 2011).

«Хоть я городской и тепличный...»

Хоть я городской и тепличный,
Но все-таки не устаю
В сезон землянично-черничный
Бродить в этом тихом краю.

Взял правило: меньше фейсбука
В такие походные дни.
И даже мобильник без звука,
Когда я ныряю как щука
В черничные польныи.

А лес? Я к гиперболе строгий,
Но хочется граждан спросить:
Вы видели лес синеокий?
А нет – посмотрите под ноги —
Глядит на вас взглядом глубоким
Черники зазывная синь.

Казалось бы: в этом ли редком
И столь неказистом леске
Ломиться от ягоды веткам,
Что просится по тарелкам,
О сахарном грезит песке?

В черничные вторгшись угодя,
Нарушив их сладкие сны,
Я самый счастливый сегодня,
С какой ни взгляни стороны.

И я до скончания века
Гулял бы по этой глуши,
Вдали от новинок хай-тека,
Борьбы за права человека
И радужных флагов меньшинств.

Но Запад (такой уж он – Запад)
Внушает отечески нам:
Будь другом, дорвавшись до ягод,
Оставь хоть немного зверям.

Ведро донесу до машины,
Прощаясь, взгляну на лесок:
Всех благ, дорогие вершины,
Черничный родной уголок!

2018

А.И.
15.08.2018
А.И.

«Выйдешь на улицу...»

Выйдешь на улицу
Солнца последнего ради —
Осень паркуется,
Празднично в Хельсинкограде.

Плюшевый день смог приласкать,
Шествуя мимо.
Меряя в пикселях, стала тоска
Менее зрима.

Ты из банальности жизни своей,
Из маргиналий,
Из неприметный фейсбучных щелей
Выполз не зря ли?

Узкое небо цвета фольги
В царстве бетонных блоков,
Флаги, надетые как парики
На черепа флагштоков, —

Ждал, что на психику станут давить,
Но обошлось, на диво.
Хоть и октябрь, а такая финифть...
Красочней, чем на Мальдивах.

Мысленно лайкну няшный денек
И уберусь восвояси
Майнить поэзию, ждать Рагнарек,
Думать о смертном часе.

2018

Голубоглазый соул

Ни субботы без танцев. Дружа с досугом,
Ты разрежала воздух шелковым плугом —
Подлом цветастым, кружась по танцполу,
Где зажигает голубоглазый соул.

Наряд полицейских, спокойных, как преторианцы,
Томится – побыстрее бы закончились эти танцы,
Где втихаря от них распивают отнюдь не колу.
В автозак бы тебя – голубоглазый соул.

Америка. Середина пятидесятих.
Нет еще рокеров волосатых.
До битлов еще десять лет, и если учит кто прогуливать школу —
Так это он, да, именно он – окаянный соул.

Почему хорошо танцуется после войн, катастроф, трагедий?
Есть политик, есть генерал, хореограф за ними третий.
И когда: «Создадим ООН», – заявили лобастые дядьки,
Молодежь прокричала в ответ: «Создайте нам танцплощадки!»

Потому что ноги поют,
Потому что ноги красивы,
Когда они бьют, бьют, бьют
В пол танцплощадки с силой.

Лакер.

Не в кабинеты психологов, нет,
На танцплощадки гоу —
Так говорил людям тех лет
Послевоенный соул.

Вот они – из простых семей, живущих в многоэтажках, —
Нимфы на каблучках и пижоны в подтяжках.

И покуда отцы смотрят футбол, купив валидолу,
Расширяет их детям сознание голубоглазый соул.

Голубоглазый блондин выходит из мрака ночного,
Джинсы его – дыра на дыре, на майке – непечатное слово.
В наушниках Эми Уайнхаус, все как обычно: шоу
Должно продолжаться – мы знаем это и с удовольствием слушаем
соул.

2017

Стихотворение к картине Магнуса Энкеля «Мальчик с черепом»

...И разве мог кто-то понять – родители, родственники, учителя
—
по какой причине он выбрал в друзья череп?

Его отец после работы сидел всегда на скамейке, что рядом с
домом,
курил, смотрел лениво по сторонам. Ничего интересного в их
захолустном городке, разве что старинное кладбище.

Кто изучал историю, не может не быть пессимистом: основное
содержание
мировой истории заключается в том, кто кого захватит, – мы их
или они нас?
Кто кого уничтожит: наша страна их страну или их страна нашу?

Атилла шел завоевывать Запад.
Наполеон шел завоевывать Восток.

– Эй, ты что – нашел череп Аттилы? – смеялся над мальчиком
отец.

Мальчику нравился череп. Он закрывал глаза и представлял, что
у него
не один, а много-много черепов. Они белели, блестели,
оскалившиеся, перед
его мысленным взором.

Так кончался XIX век.
В XX веке мальчик вырос. Он прошел несколько войн. Он видел
столько костей
и черепов, что повредился умом. Он вернулся в родной город и по
вечерам, выпучив глаза
и по-идиотски открыв рот, топтался на том самом месте, где когда-
то сидел
на скамейке его отец.

Но здесь Магнус Энкель передает эстафету Эдварду Мунку.
Великие художники
велики прежде всего тем, что знают о жизни все. И с этим как-
то живут.

2017

«В осенней памяти моей...»

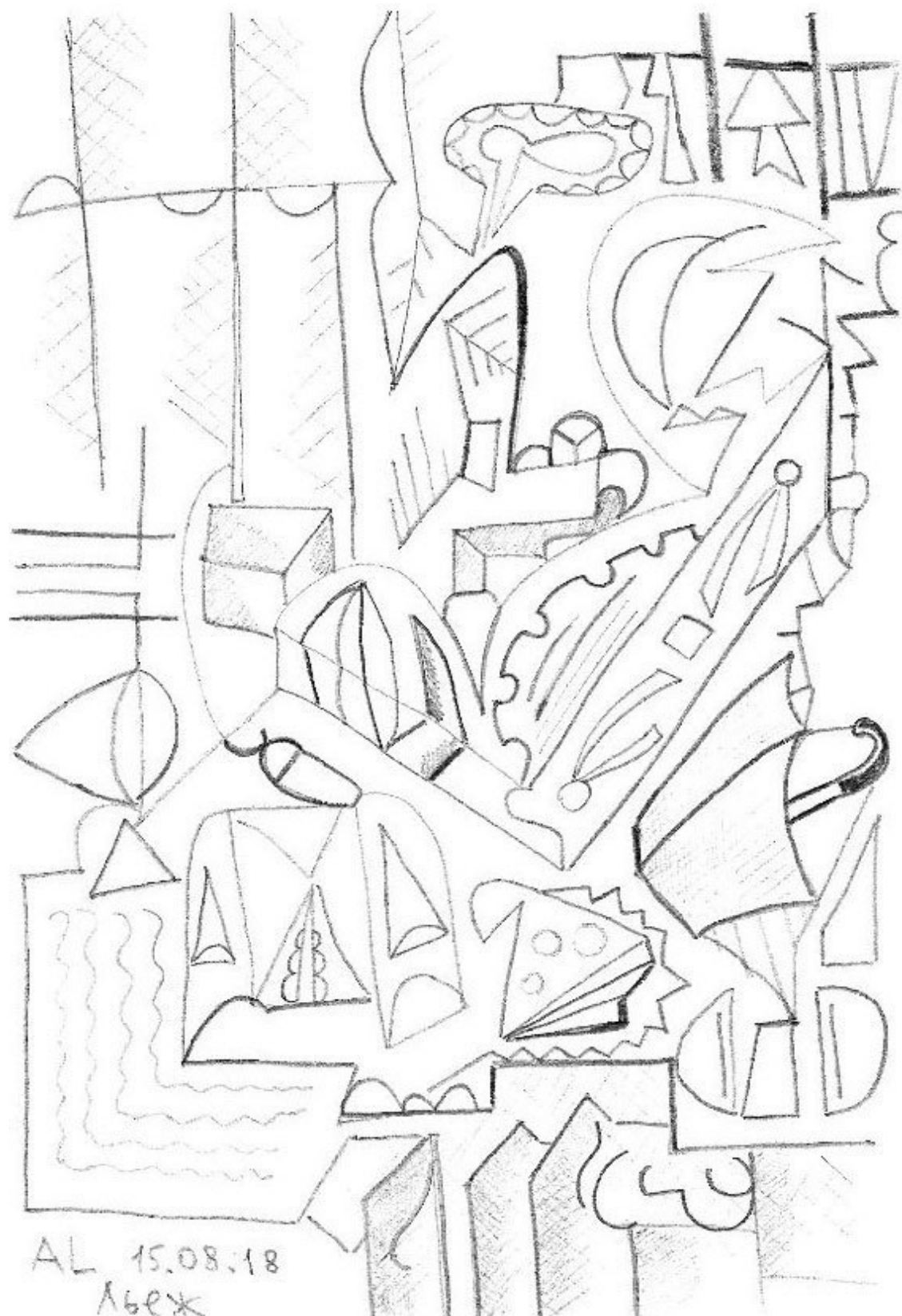
В осенней памяти моей
Ограда – красоте высокой,
Там пара снежных лебедей,
Пруд, зарастающий осокой.

Мещанство это или нет —
Я не могу сказать наверно,
Ведь есть Чайковского балет
И лебедь Пушкина – царевна.

Проходит время через нас
И возвращается как память.
Придет, и уж в который раз
Во мне пылает, словно пламя.

И не уменьшить его пыл,
Оно накатит, опрокинет...
Чтоб я, беспечный, не остыл
К тому, чего уж нет в помине.

1999

Мой сосед

Мой сосед, Тоссавайнен, домой приезжает под утро.
Спят в окопах друзья, и невеста уснула в авто.
Всполошив не на шутку на речке ночующих уток,
Мерс под окна подгонит и долго не глушит мотор.

Над Суоми большая луна строит кислую мину,
Еще час-полтора – и начнет просыпаться народ.
Столько русских вокруг, что невольно сочувствуешь финнам,
По ошибке звонишь не туда – трубку русский берет.

Привыкаешь к стране, где тебе улыбаются люди,
Облеченные властью (но не отягченные мздой),
Где над площадью главной высится столбиком ртути
Просвещенный монарх – русский царь Александр Второй.

С постамента царя – этой гордой и властной фигуры —
Не снесли даже после проигранной Зимней войны.
Он стоит как фиксатор приемлемой температуры
Отношения к русским в большом организме страны.

Побываешь в столице – заполнишь до самых подкорок
Впечатленьями мозг, чтобы дома, уже поостыв,
Вспомнить гладкие руки дорог, обнимающих город,
Дом-кроссворд, что на солнце блестел клеткой окон пустых,

Или Финский залив. В нем теперь и твое отраженье
Где-то в складках волны... Или чайка его унесла?
Возвращения вечного нет, это миф – возвращенье,
Затемняющий суть: жизнь не круг, не спираль, но стрела.

А мишень у стрелы за пределами этого мира —
Край, куда эмигрируют все и уже навсегда.
Может, там по-другому поет просветленная лира
И стихи «Калевалы» озерная шепчет вода...

Взглядом праздным блуждаю средь облачных серых развалин,
Там зависла луна и мерцает, что твой монитор.
Возвращение – блеф, возвращается лишь Тоссавайнен —
Вновь приехал под утро и долго не глушит мотор.

2009

Переводы из Пяйви Ненонен (с финского языка)

«Солнце сияло лениво...»

Солнце сияло лениво,
Пахло дрожжами вино,
Переливалось красиво
В наших бокалах оно.

Летний пейзаж увяданьем
Был уже тронут тогда.
Осень, суля расставанья,
Шла из лесов в города.

И до меня вдруг донесся
Голос твой, теплый, как май:
«Слушай, давай разведемся?»
И я сказала: «Давай!»

«В траурной рамке смертную весть...»

В траурной рамке смертную весть —
Зная о ней – не решаюсь прочесть.
Смертная весть залетела в наш дом,
Только родные ни слова о том.
Весть от меня ими утаена,
Но в их глазах поселилась она.
Души она обручает с бедой,
Мир у нее под пятой.
Чувствую сердцем – ты где-то здесь,
В траурной рамке смертная весть.

«О, если бы тропа моя свернула к дому...»

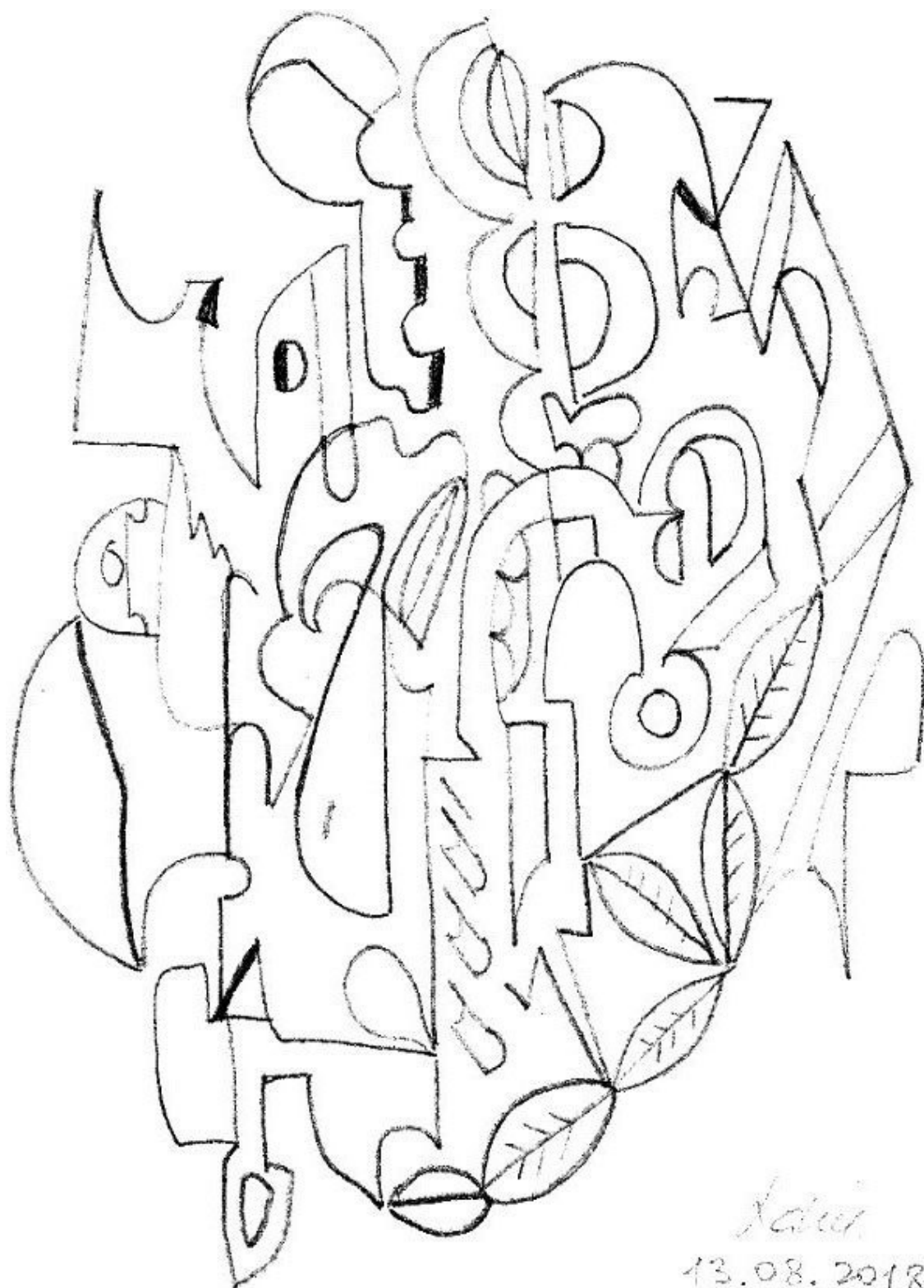
О, если бы тропа моя свернула к дому —
Вдаль волочиться мне совсем уже невмочь.
О, если б я смогла снять ношу с плеч, к родному
Порогу воротясь, и дома встретить ночь.

Легла б я на диван, и тишина в округе
Была бы слаще мне всех звуков в этот час.

И муза, может быть, прервав свои досуги,
Подкинула бы мне стишат, не мелочась.

**Перевод из Хуана Рамона Хименеса
(с испанского языка)
Я ли это хожу?**

Я ли это хожу по комнате нынешней ночью, или нищий,
в сумерках проникший в мой сад?..
Смотрю
и нахожу, что вокруг все то же и одновременно не то...
Было ли окно открыто?
Разве я не спал?
Разве сад не был зеленым под луной?..
Небо было чистым и голубым...
А сегодня облака и ветер,
и сад угрюмый...
По-моему, моя борода была черной... и одежда была серой...
Но моя борода белая, и я в трауре...
Разве это я хожу?
Мне ли принадлежит голос, что сейчас звучит во мне,
ритмы этого голоса – мои ли они?
Это я или я и есть тот нищий, что проник в мой сад в сумерках?..
Смотрю
вокруг... сегодня облака и ветер...
Сад угрюмый...
...Иду и возвращаюсь...
Но разве я не заснул уже давно?
Моя борода белая...
И все то же и одновременно не то...

Ивлева
13.08.2018
АБЕЖ

Раиса Шиллимат /Оберхаузен/

Прозаик, переводчик. Родилась на Северном Кавказе. Живет с 1995 года в Германии, в Оберхаузене. Публиковалась как переводчик и самостоятельный автор в русскоязычных периодических изданиях России, Германии, Дании, Бельгии, Австрии и т. д. Автор собственных книг, а также переводов текстов немецкоязычных авторов на русский язык и текстов русскоязычных авторов на немецкий язык. В 2010 году награждена медалью «За выдающийся вклад в укреплении позиций русского языка и популяризацию русской культуры за рубежом», в 2013 году – орденом «Мир и дружба» (Московский Фонда Мира) за активную литературно-общественную деятельность, вклад в дело пропаганды русской культуры и сохранение родного языка за пределами России. Участник Форумов русскоязычных писателей зарубежья в Переделкино 2012 и 2013 гг. Член Союза российских писателей.

Семь футов под килем

Студенческая вечеринка утонула в сигаретном дыму. Душой компании был первокурсник Дмитрий, недавно демобилизованный моряк. Парень сыпал матросскими байками, девчонки хохотали, одна залиvistее другой. Студентов музыкального училища, конечно, пением и гитарой не удивить, но парень брал обаянием, темой и экспрессией исполнения. Ах, как он пел! Струны звенели металлом, наполняя помещение романтикой дальних походов:

Моряк, покрепче вяжи узлы —
Беда идет по пятам.
Вода и ветер сегодня злы,
И зол, как черт, капитан.
Пусть волны вслед разевают рты,
Пусть стонет парус тугой —
О них навек позабудешь ты,
Когда придем мы домой.

Разумеется, волн с разинутыми ртами никто из присутствующих (за исключением исполнителя) отродясь не видел, поэтому девчонки, сбежавшиеся со всего общежития, слушали песни бывалого морского волка именно так – открыв рот. Леля в том числе. Очаровал моряк. Через год расписались. Поселились в оставшемся от бабушки домике на окраине города, почти у опушки леса. Портрет мужа в матросской форме красовался на стене, на самом видном месте, молодая жена с удовольствием слушала его воспоминания о лихих похождениях, а после рождения второй дочери пошутила, что теперь у них не семейная лодка, а корабль с женским экипажем на борту. Муж довольно засмеялся: жена повысила его в должности, теперь он капитан, и семь футов под килем своему кораблю обеспечит! Да Леля и не сомневалась, что с любимым, весельчаком и подающим большие надежды музыкантом, никакие бытовые шторма не страшны. За штормами дело не стало. Жили предельно скромно. В их небольшом городе на сонатах, сарабандах и тому подобных тонких музыкальных материях не разжиреешь. Свое профессиональное мастерство Дмитрий дополнительно «оттачивал» в сплоченных рядах похоронного оркестра. Кроме этого подрабатывал в ресторане. Пел про бублички, про вишни, что созрели в саду у дяди Вани, и жалостное, без малого в яблочко быющее «подойдите, пожалейте, сироту меня согрейте, посмотрите, ноги мои босы...». Но мысли о большой сцене не оставляли. Чтобы иметь успех, утверждал Дмитрий, ему нужен настоящий инструмент, он ведь серьезный музыкант и нарабатывает классический гитарный репертуар Анидо, Сеговии и прочих великих. И вот свершилось! Дешевую «деревяшку» с металлическими струнами сменила большая, пышнобедрая красавица, сделанная известным мастером на заказ. На эту, как выразился Дмитрий, инвестицию в будущее, ушли деньги, собранные за все годы шабашек. И еще пришлось занять столько, что теперь, чтобы расплатиться с долгами, лабать ему до конца дней своих.

Постепенно Леля начинала понимать: капитан медленно, но прочно сажает корабль на мель. Сердце сжималось, когда думала о детях. В их души не хотелось вносить сумятицу, поэтому убеждала: нужно еще немного потерпеть, всем вместе. Шли годы, а «большой» талант Дмитрия продолжал пробуксовывать где-то на уровне средних способностей для внутреннего пользования: по настроению впадая в творческий экстаз, капитан играл ночами напролет. Засыпал утром, когда команда, очумелая от ночной «музыкальной табакерки», просыпалось.

Однажды поздним зимним вечером Дмитрий пришел домой не один, а с одноклассником, которого встретил в ресторане. Тот, в модном полушубке и роскошной ондатровой шапке,

эдаким козырным тузом ввалился в прихожую их жилища, по-хозяйски оглядел «хоромы» и бесцеремонно заявил:

– Хреновенько, брат, живешь!

– Не в дубленках счастье! – парировал Дмитрий.

Представил гостя:

– Лелька, у нас сегодня очень дорогой гость! Петька, собственной персоной! Друг старых игрищ и забав, бузотер и разгильдяй!

– Что-то не очень он похож на разгильдяя, – улыбнулась Леля.

– Накрывай на стол, мать, мы лет сто не виделись, сейчас по коньячку шархнем.

Леля для приличия немного посидела с друзьями, потом сказала, что ей завтра рано вставать и ушла в спальню. На спокойный сон женщина не рассчитывала, по опыту знала – посиделки будут долгими. Мужчины, разгоряченные спиртным, не замечали, что говорят громко, и Леля, хочешь – не хочешь, слышала весь разговор.

После воспоминаний о школьных годах, Петр снова вернулся ко дню сегодняшнему:

– Слушай, Димон, можешь на меня обижаться, но я скажу. Вот ты меня назвал бузотером и разгильдяем. Не отрицаю, бывало всякое, но я давно вырос из этих штанишек. А ты? О твоих достижениях могу судить по твоей хибаре. Честно говоря, когда шел к тебе, ожидал другое увидеть.

– Много ты понимаешь! Стены не самое главное, ты мне в душу загляни!

– И что же там?

– Там большая музыка живет! А музыка – великая сила! Что ты понимаешь в музыке?

Ты – самый, что ни не есть, филистер.

– Ну, если тебе от этого легче, называй меня так. А ты, надо думать, самый настоящий интеллигент, цвет нации?

– Да, и не боюсь в этом признаться! Для меня самое главное богатство – духовное!

– Да, ну ты! Объясни мне, олуху, что это такое.

– Самопознание и самосовершенствование!

– Вот этого не надо! Словооблудием ты можешь заниматься с кем-нибудь другим. Духовно богатый человек, по-моему, прежде всего окружает заботой и любовью близких, а на твою избушку на курьих ножках и на жену смотреть больно.

– Ишь ты, сердобольный какой! А ты не знаешь, что настоящему таланту всегда трудно пробиваться?

– Ты уверен, что у тебя настоящий талант?

– Хочешь, сыграю?

– Не хочу, твое семейство спит. Я в прошлом месяце был на концерте Пако де Лусии. Лучше расскажи мне нормальным человеческим языком, почему ты живешь вот так, как последний м...к.

– Ты ничего не знаешь, я выхожу на старт. Приезжай через пару лет, посмотрим, что тогда скажешь! У меня еще все впереди!

– Зачем ждать пару лет? Я тебе, дураку, сейчас скажу: впереди если что-то и светит, то не тебе, а твоим детям. И то, при условии, если батя перестанет дурыню маяться.

Леля лежала, едва сдерживая слезы. Петр словно услышал и озвучил ее мысли. Под утро он ушел, а Дмитрий все сидел на кухне, курил и рассуждал вслух о том, что Петька, как был дубиной стоеросовой, так и остался, а туда же – жить учит.

С того момента что-то в поведении Дмитрия изменилось. Он и без того был неуравновешенным человеком, а тут появились новые странности: то останавливал взгляд на жене так, что ей становилось неловко, словно она в чем-то виновата, то вдруг напористо спрашивал, о чем она сейчас думает. Застигнутая врасплох неожиданным вопросом, Леля на какое-то мгновение замолкала, чтобы восстановить ход мыслей. В момент, когда к человеку кто-то внезапно обра-

щается, внимание его переключается с внутреннего монолога на собеседника и мысль теряется. Тут же следовал новый вопрос: почему ответила с промедлением, есть что скрывать? Леля ничего не могла понять, неизвестность вещь неприятная. Не выдержала, осторожно поинтересовалась:

- Объясни, в конце концов, что происходит?
- Видел я, как ты на него смотрела, – тихо сказал Дмитрий и недобро посмотрел на жену.
- На кого? – не поняла Леля.
- Не прикидывайся! На Петьку, на кого же еще!
- Господи, что ты несешь? Я даже забыла, что он у нас был!
- Так ведь и он на тебя запал!
- Дима, ты совсем идиот?

Разговор замяли, но осадок остался. Вечером, взяв гитару в руки, Дмитрий вдруг вспомнил свой флотский репертуар. С чего бы это? Пел, не сводя глаз с Лели:

Не верь подруге, а верь в вино,
Не жди от женщин добра:
Сегодня помнить им не дано
О том, что было вчера.
За длинный стол посади друзей
И песню громко запой, —
Еще от зависти лопнуть ей,
Когда придем мы домой.

Женщина чувствовала себя так, словно ее вывалили в грязи. С грустью подумалось: похоже, «друзья за длинным столом» незаметно стали привычной средой обитания Дмитрия и как ему казалось, настоящими ценителями его таланта. Единственными.

Наступала весна, светило солнце, таял снег, из-под него проплешинами выглядывала прошлогодняя трава. Леля вышла на крыльцо и восхищенно воскликнула:

- Боже, благодать-то какая!
- Вслед за ней, слегка щурясь от солнца, вышел Дмитрий:
- Хорошо! Пахнет свежестью.

Из-под крыльца вдруг выбежала пушистая рыжая крыса. И откуда она взялась? Животное направлялось к протекавшему в нескольких метрах от дома ручью.

– Смотри, смотри, это же ондатра, первый раз вижу! Ой, как интересно! – всплеснула руками Леля.

- Еще как интересно! Сейчас я ее... – глаза Дмитрия недобро сверкнули.
- Ты что, с ума сошел? Зачем она тебе?
- Шапку сошью.

Жена подумала, что муж шутит, ну какая может быть шапка из шкурки животного величиной меньше кошки? Что это с ним?

Дмитрий заскочил в сарай и быстро вернулся с лопатой в руках. Леля оторопела. Он не шутил. Пытаясь отобрать лопату, женщина потянула черенок на себя, но муж толкнул ее с такой силой, что она едва удержалась на ногах. Дмитрий погнался за ондатрой. На крыльцо выбежали дочери, наперебой закричали:

- Папа! Что ты делаешь?
- Папа! Перестань!
- Уйдите отсюда! Не мешайте! – зло огрызнулся отец.

Лелю трясло. На побледневшем лице мужа хищный азарт, зрачки расширены

Расправа была не долгой: удар настиг несчастное животное, оно заверещало и заметалось, пытаясь уйти от преследования. Еще удар – из носа хлынула кровь, ондатра, теряя ориентацию в пространстве, успела сделать пару неверных шагов. Следующее попадание довершило дело.

Старшая дочь выкрикнула:

– Папа, ты же убийца!

Потом закрыла лицо руками, прислонилась к перилам и тихо заплакала. Младшая редела во все горло.

– Замолчите! Развылись тут..., а то и вам сейчас достанется...

Леся обняла детей, чтобы они не видели, как довольный отец с демонически-победной ухмылкой проносит мимо них бездыханную тушку в сарай. Капитану и в голову не пришло, что крыса, несколько минут назад выбежавшая из-под крыльца, покидала их корабль.

Переводы Р.-М. Рильке

Прикосновение ангела

Ангел прикоснулся – замерцал,
Отразился лунный свет на море,
Сердца окольцованный коралл
Оживает на морском просторе.

Злая, беспредельная хандра
Уготована мне кем? Не знаю...
Берега и волн идет игра:
То окатят, то лизнут по краю.

Медленно спускаясь под луной,
Чьи-то души из нездешней дали
Вечно и безмолвно надо мной
Развевают бытие печали.

Из жизни одного святого

Он ведал страсти, что на смерть похожи,
Когда, казалось, выстоять нет сил
Он биться сердце медленней просил,
И, как дитя свое, держал построже.

Он был привычен выносить лишения.
Тьму без рассвета в келье вороша,
Смиренной жертвой корчилась душа,
У судии прося за все прощенья.

Душе казалось, что она на ложе
У господина, чудо-молодца,
В пустынном месте – дева без венца.
И потому ее сомненье гложет.

Собою жертвуя, себя терзая,
Познал он счастье, нежность и любовь,
Держа судьбы в руках живой покров...
И отворились вдруг ворота рая.

Вечер

Меняет вечер одеянье над землею,
на кромку леса темную вдали бросая...
Ты у развилки двух дорог: перед тобою
одна уходит вниз, но в небеса другая.

Один стоишь, оставлен в темном поле,
тебя мрачнее лишь безмолвный дом,
ты, вопрошая, не взываешь к Вышней Воле,
как звезды, что мерцают серебром.

И разгадаешь ты неясное предвестье,
осмыслишь и поймешь, что ты почти у края.
Приоткрывается завеса вдруг, пугая:
в себе соединишь и камень, и созвездье.

Средь духовных вершин затерян

Средь духовных вершин затерян,
вниз посмотришь – там крошечно все...
Видишь, слов островок последний?
Выше маленький, тоже последний
чувств хуторок. Ты его узнаешь?

Средь духовных вершин затерян. Под рукой
каменистая почва. Расцветают, однако, и здесь
те, что знать ни о чем не желают. Из обрыва немого,
напевая мотив про себя, пробивается цветом трава.
Ну а что же пытливый? Тот, кто думал, что мир постигает,
вдруг умолк, средь духовных вершин затерян.

К исцелению духа, петляя, тропа поведет,
словно горного зверя, движеньем живущего.
Но о том, что не стоит идти, упредит с высоты
птица крупная, что над пиком вольготно кружит.
Неуютно здесь все средь духовных вершин.

Алексей Глуховский /Баден-Баден/

Алексей Глуховский родился в Москве 22 апреля 1955 года. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал на радио. С 2011 года живет в Германии, в Баден-Бадене. Стихи пишет с юности, много лет занимался художественным переводом с немецкого, французского, сербского языков. Поэтические переводы печатались в сборниках издательства «Художественная литература», в «Литературной газете» и др. Автор сборника стихотворных переводов «Слова» (Москва 2013), а также поэтических книг «Лирика» (Нью-Йорк, 2015), «Вид из окна» (Москва, 2017), «Знаки времени» (Москва, 2018). Лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 20 18» в Льеже (Бельгия).

«Свои поэты есть в любой деревне...»

Свои поэты есть в любой деревне —
не только в горделивых городах.
Они, как птицы, селятся в деревьях,
в густой траве, в некошенных лугах.

Их не прочтешь в журналах и газетах.
Не приглашают их на вечера
надутые столичные поэты
и чуждого верлибра мастера.

Зато весь божий день они на воле,
не в тесноте удушливых кафе.
Там чистый лист для них – пустое поле,
и есть, где раззадориться строфе.

Счастличики, любимчики природы,
поют себе, рифмуя все подряд...
Им неизвестно увлечение модой,
они над повседневностью парят.

«Я вроде бы потратил все слова...»

Я вроде бы потратил все слова,
которые скопил в процессе жизни.
И новых не вмещает голова —
настолько память сделалась капризней...
Вот, кажется порою – снизошло,
спустилось на меня из поднебесья...
Но вновь сомненье: так ли хорошо
оно? И в этих муках – весь я.

Стишки

И ягодки мои вы и цветочки,
от сердца беспокойного ростки —
мои стихи, стишата и стишочки,
прекрасное лекарство от тоски.
Я вас любовно возвращаю ночью,
души перепахавши чернозем,
чтобы цвели среди растений прочих
в саду неувядаемом моем.

«Как мало нам...»

Как мало нам
отмерено для жизни,
и как быстры отпущенные дни,
чтобы растратить их
на укорины
и на часы пустячной болтовни.
Чтоб растерзать
на ссоры и дележки
и на кусочки мелочных обид...
Пускай Господь пошлет еще немножко
и с местом для меня повременит.

Утром

Ты хороша бываешь по утрам,
когда, из теплой вынырнув постели,
не доверяя собственным шагам,
на цыпочках крадешься еле-еле.
Одним рывком распахиваешь дверь,
чтоб, с перепугу, скрипнула потише...
Ступая мягко, как домашний зверь,
обнюхиваешь сонное жилище.
Скрип половиц под легкою ногой
и чайника сердитое ворчанье...
Ты нарушаешь утренний покой,
на мой призыв ничем не отвечая.

Прелюдия

Море. Волны. Хохот чаек.
Горизонта полоса.
Сосны длинными свечами
прожигают небеса.
Солнце медленно сочится,
словно спелый апельсин
на некрашенные лица,
на белесость голых спин.
Ветер крепнет. Гул прибоя.
Остывающий песок.
Ты и я. И мы с тобою —
от любви на волосок.

В полете

Пожелай мне удачной посадки,
помолись обо мне не спеша.
Я уверен: все будет в порядке,
если будет в порядке душа.

Если сердце в груди равномерно
отбивает уверенный такт,
будь спокойна – я жив. Это верно,
как годами проверенный факт.

Я лечу! И не надо сомнений.
Надо мной бесконечная высь.
В крайнем случае... – это мгновенье.
Так что, все ж, не забудь, помолись.

«Не заставляй меня любить...»

Не заставляй меня любить
сильней, чем я могу.
Поверь, непросто это – быть
перед тобой в долгу.
Меня напрасно не вини
во всех земных грехах.
Они давно погребены
в раскаянных стихах.
Теперь считаться не резон —
кто прав, кто виноват...
Вблизи маячит горизонт
и ангелы трубят.
Возможно, возвестят с небес
всеобщую беду...
И я – единственный! – к тебе
на выручку приду.

«Моя Муза сегодня дежурит по огороду...»

Моя Муза сегодня дежурит по огороду:
перед сном она укутывает огурцы.
Половина из них выжила в непогоду,
остальные, как видно, уже не жильцы.
Укрывает их пленкой – легчайшей, как воздух,
наклоняется заботливо к самой земле...
Я отчетливо вижу, хотя уже поздно,
ее профиль знакомый в оконном стекле.
Моя Муза сегодня ко мне безучастна,
ей безделье мое явно не по нутру...
А я, весь – такой отверженный и несчастный —
с любовью в окно на нее смотрю.

Внукам

Нас к ним тянет не столько со скуки,
(хоть скучаем, заочно любя),
сколько наши любимые внуки нам,
далеких, напомнят – себя.
Те же хитрости, те же ужимки,
безобидная детская ложь...
Скачут внуки по мне, как пружинки...
Я на них и взаправду похож.

«Когда в душе переполох...»

Не позволяй душе лениться.
Н.Заболоцкий

Когда в душе переполох —
и с каждым годом все сильнее, —
не дай застать себя врасплох
тем, кто охотится за нею.
Перед душой не лебези —
чем строже с ней, тем больше толка.
Полезным делом нагрузи,
пусть трудится она, как пчелка.
Не позволяй душе хандрить,
ей отмени режим постельный.
Грусть для нее почти смертельна
и может душу погубить.

«Все, к сожаленью, становится прошлым...»

Все, к сожаленью, становится прошлым,
реки одни лишь не катятся вспять.
Что тяготиться никчемною ношей —
было и сплыло, впервой ли терять?
Было да смыло, как в бурную Лету,
все превратило в застывший янтарь.
Не излучает желанного света
прошлое, – словно погасший фонарь.

«Лист клена, оторвавшийся от ветки...»

Лист клена, оторвавшийся от ветки,
упавший желудь, сникшая сосна —
знаменья осени...
А в каждой моей клетке,
нарочно распускается весна.
Отступит грусть,
развееется по ветру...
И несмотря на частые дожди,
во мне взойдут весенние
приметы,
как будто все плохое – позади.

«Поезд тронулся...»

Поезд тронулся.
Платформа
покатилась под колеса,
серой лентой размоталась,
натянулась тетивой.
Я лежу на верхней полке,
скрючившись,
как знак вопроса,
покидая этот город,
именуемый Москвой.
Величаемый столицей —
город встреч и расставаний,
город сытых и голодных,
город мудрых и глупцов.
Оставляю этот город
разобщений и слияний,
заколдованное место
всех начал и всех концов.
Я лежу на верхней полке,
за окном весна грохочет,
поезд скорость набирает,
все сметая на пути...
Уезжаю, не прощаясь,
новой встречи не пророча,
даже в мыслях не мечтая
где-то с поезда сойти.

Натюрморт

Три предмета, три мазка,
три случайные детали
и по прошлому тоска —
на куске холщовой ткани.
Уж давно увял цветок
и кувшин разбит. – Однажды
из него живой глоток
утолил кому-то жажду.

Скрипач

В темном переходе у вокзала,
где порой и лиц не разобрать,
скрипочка мелодию играла,
словно приглашая танцевать.
Музыкант был юн, почти мальчишка,
и была мелодия проста.
В кожаном футляре – мелочишка,
ну, рублей едва ли на полста.
Публика столичная, скупая,
верно распознавшая талант,
за бесценок, в сущности, скупала,
что идти, должно бы, нарасхват.
Музыкант играл себе на скрипке,
и бесшумно сыпались в футляр
вместо денег щедрые улыбки,
возмещая скромный гонорар.

Откровенность

Мы говорили каждый о своем,
как будто бы не слушая друг друга.
На небе стыл медовым пирогом
растущий месяц в форме полукруга.
Мы за ушедших поднимали тост,
их только добрым словом поминая,
и прошлое вставало в полный рост,
день нынешний собою заслоняя.
Наш разговор то тлел, то возгорал,
холодные разбрызгивая искры.
Как в деревянных бочках, дозревал
в простых стаканах золотистый виски.
Потом зачем-то завели про дождь:
«Ему не видно ни конца, ни края...
Ах, эта осень, что с нее возьмешь,
если она упрямая такая?»
Друг перед другом каялись в грехах,
в поступках признаваясь сумасбродных,
и спьяну в точно найденных словах,
прощали их друг другу благородно.

Пенсия

Мы были молодые и зеленые:
нам жизнь прожить, что поле перейти.
Влюбленные и одухотворенные,
ко всем чертям готовые идти.
Вступать в бои, заведомо пропащие,
и жертвовать собой по пустякам.
Мы были неподдельно настоящими,
готовые идти ко всем чертям.
Теперь мы пожилые и пожившие,
и многих растерявшие в пути.
Но так и ничего не изменившие,
к любым чертям привыкшие идти...

Долг

Писать со скуки,
ни о чем,
не поднимается рука...
Спасибо Господу на том,
что озаренье шлет пока.
Что, подарив бесценный шанс
свое наличие оправдать,
мне выдал на руки аванс
под обязательство – писать.
Я не умею быть в долгу —
земной с долгами тяжек путь.
Настанет день, когда смогу
Ему с лихвою все вернуть.

Маме (1932–2002)

Чем дальше ты с годами от Земли,
тем ярче и отчетливее светишь...
Недремно наблюдая издали,
во мне вдруг перемены заметишь.
И седину досрочную мою,
и далеко не бодрюю походку...
Порой тебя в себе я узнаю,
как будто в отражении нечетком.
Не верю в исполнение чудес,
хотя во мне все крепче ощущение,
что в этом свете, льющемся с небес,
я разгляжу надежду на прощенье.

Под дождем

Дождь весенний, самый первый,
пусть окатит, словно душ.
Вместе с грязью смоем скверну
с огрубелых наших душ.
Очищенья даст надежду
и отмоем липкость рук.
Промочив насквозь одежду,
жадных губ коснется вдруг.
Тронет щеки и ресницы,
пробежит по волосам,
уступив на чистых лицах
место радостным слезам.

«Когда умирают артисты...»

Когда умирают артисты,
над ними не плачут —
их, точно живых,
вызывать продолжают
на бис.
Лишь роли свои перепутав
и переиначив,
они раздвигают
небесные рамы кулис.
Когда умирают поэты,
природе не верьте.
Не верьте глазам,
что не знают,
как выглядит смерть.

Поэты ведь тоже так часто достойны бессмертья,
как песни, которые
им не дают умереть.
Читайте стихи,
вызывайте поэтов на сцену...
Они, как артисты,
им публика, как кислород.
Уходят одни,
им приходят другие на смену,
певца Ариона продлив нескончаемый род.

«Вдоль дороги кусты...»

Вдоль дороги кусты
да кусты,
по обочинам пыль
да сорняк.
Вырастают навстречу кресты,
как смертельной опасности знак.
Для кого-то нелепая блажь,
показуха, упрямство и жест,
для кого-то последний кураж...
И простой на обочине крест.

«Мне покупали все на вырост...»

Мне покупали все на вырост,
а я же, как назло, не рос.
Словно какой-то хищный вирус,
зловредный, пожирал мой рост.
Я все донашивал до дырок —
рубашки, брюки, свитера.
Пока от глажек и от стирок
они не превращались в прах.
А между тем, копились вещи
в шкафах, на полках, по углам,
и моль съедала до проплешин
неношенный, никчемный хлам.
Шли годы. Я, конечно, вырос —
с природой трудно совладать.
Лишь жизнь, пошитую на вырост,
не перешить, не залатать.

«Расцвели обильно сорняки...»

Расцвели обильно сорняки
вдоль дороги ядовитой чащей,
захватили власть борщевики
на просторах родины горчашей...
По краям вспаханных полей
мертвыми качают головами...
Как они похожи на людей,
воздух отравляющих словами!

«От тоски простое средство...»

От тоски простое средство,
жизнь, ты мне подобрала —
я питаюсь жмыхом детства
с иллюзорного стола.
Я попался на приманку:
думал, это задарма.
Только скатерть-самобранку
мне оплачивать сполна.
Не рублем и не валютой,
не потём, а наперед —
каждой прожитой минутой
оплатить придется счет.

«Мое Садовое кольцо...»

Мое Садовое кольцо,
давнишняя моя игрушка...
Гремит, как в детстве погремушка,
и жарко дышит мне в лицо.
Мое Садовое кольцо,
его хибары и высотки...
Не длинный путь и не короткий —
начал не сыщешь и концов.
Мое Садовое кольцо,
я в нем забывшись
будто в трансе,
кружусь в однообразном вальсе
среди чужаков и пришлецов.

Москва–2017

Когда попадаю к тебе после долгой разлуки,
в объятиях улиц сомлев, уткнувшись в колени бульваров,
ты мне предъявляешь «высоток» воздетые руки
и стертые в кровь от безжалостных ног – тротуары.

Ты ждешь от меня милосердия или спасенья?
Я сам в них нуждаюсь. Прости мое равнодушие.
В арбатских дворах, в переулках ищу утешенья,
где в воздухе плотном не птицы кружатся – души...

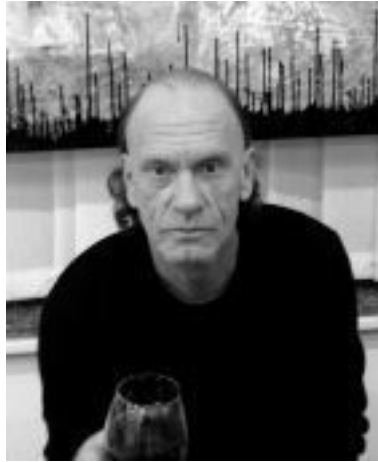
Тобой невозможно пресытиться, как невозможно
пресытиться первой любовью, первым свиданием.
По старым следам я ступаю. Иду осторожно,
вслепую нащупывая воспоминанья.

Ладони твоих площадей растопырили пальцы проспектов,
тайком предлагая на выбор дорогу любую —
в любом направлении, в любую сторону света,
которую я пожелаю и облюбую.

На ухо мне жарко шуршащими шинами шепчешь,
пытаясь меня оплести паутиною неги,
чтоб даже случайно помыслить не мог о побеге,
К себе привязать, приторочить, приклеить покрепче.

А я не за то, чтоб любовью меня опекали,
лишали бы воли, влюбляли в себя через силу.
Со мной так не выйдет, меня не удержишь, пока я
к тебе не явлюсь добровольно – сдать на милость.

Артур Новиков /Киев/

Родился в ноябре 1963 года в Киеве. Самые яркие воспоминания детства – годы, проведенные с родителями в Алжире, отец преподавал в военном училище. Африка, муэдзины по утрам, французский язык и арабские сверстники. Потом институт (Одесский Электротехнический Институт связи им. А.С. Попова) в Одессе. Далее работа в Киеве, стажировки в Питере и – Советская Армия. Лейтенант Новиков служил в белоцерковском гарнизоне. Первое стихотворение было написано 29 сентября 2011 года. Стихи публиковались в журнале «Крещатик».

«...повесился на галстукe в шкафу...»

...повесился на галстукe в шкафу
был морозящий петербургский вечер
скрипели половицы наверху
чуть шторы колебал осенний ветер
горела лампа
для чего зачем?
чернильница перо четыре строчки
«прощаться не с кем друг
прощаю всем
достаточно пожалуй
ставим точку».

«во мне забыли катетер удаляя опухоль мозга...»

во мне забыли катетер удаляя опухоль мозга
я стал мыслить эспиненциями собранными
в волюнтивные гроздя
теряя речь как коммуникатор бессвязного ушел
за образы обреченного разума
чужое в мозгу с металлическим привкусом обрело
свою жизнь
в безыскусности искуса
жевать слова как нечто влажное испускающее соки
вполне несуразного
небытия в присутственном месте
вот есть некое я
сидит на насесте
несет яйца как капсулы времени
кудахчет безмозгло
и гребень на темени
темень в сарае одинокая птица глядит на звезду
что в безночье лучится
а вокруг нее в затемненном зале кружат вертела
пока жив – надо жарить

«она в руках несла...»

она в руках несла
агат
янтарь и жемчужные нити
глаза из стекла
тело все радугой вито
по облаку шла
траву заплетая на вереск
была так мила
что ветер срывался об берег
с волны на волну
за пеной на парус далекий
ушла в белизну
и время за нею
поблекло

«а что бы вдруг купить себе трамвай...»

а что бы вдруг купить себе трамвай
без рельсов так
поставить возле дома
спускаться по утрам пить сладкий чай
и приглашать случайных и знакомых
неторопливо в утренний туман
глядеть и наслаждаться
чем?
не знаю
абстракцией что вот стоит трамвай
а рельсов нет
мираж какой бывает
наверное в пустыне
караван
идет и наблюдает в небе воды
играет с облаками океан
и плещут чайки
призракам свободы

«– о чем-то мечтаете...»

– о чем-то мечтаете?
да представляю.
старого карлика в колпаке красном
с трубкой его улыбка
– довольно жутка?
да
он из тех лет, знаете до Гримов.
когда писали еще на пергаменте в кельях
– а он?
ловил голубей продавал пилигримам оципывал перья
– и только?
еще продавал ночные кошмары и старым и малым.
по ночам на дороге знаете жутко прилег у костра
а тут он ухмыляется малютка. дети пугались
– какая жалость
мелочь. он дружбу водил со всякой нечистью.
и делал ее глазу видимой
– да необыденно...

«свеча...»

свеча
окошко слюдяное
вечор спустился
у окна
в непозволительном покое застыла полная Луна
листва шумит
ночные птицы о чем-то с ветром говорят
душа ль покоем насладится
когда бы жить век – два назад
да все забава
света грезы
минувшей сказки тишина
но все ж Шекспира помнят розы
и Одиссея ждет волна

«жизнь как чайная церемония без чая...»

жизнь как чайная церемония без чая
ритуал соблюден традиция жива
смысл отчалил
плещется где-то мимо портов и гаваней
он в смыслодвижении
пустые головы ртами пьют чай
в немом упоении

* * *

абстрактно. как трамвайный билет
летающий на гео-орбите
конкретно водяры купить.
нажрался и спишь под ракетой

проснулся и двинул в сельмаг – полет и свобода
и вечность в крылатых мозгах сольется с природой

«подростки падают с крыш электричек Ник Кейв...»

подростки падают с крыш электричек Ник Кейв
говорит – загробного мира нет а этот всего лишь
набор разноценных привычек
лубок из которого скука изъяла сюжет
цинизм мне гадлив а скепсис – длядохлых тюленей
искание смерти – бесполым ублюдкам мечты осталось
поверить что в зернах притертых сомнений таятся
цветы не знакомой еще красоты
романтики странны и может быть чуть старомодны
но мода – обертка
конфеты всегда для своих
мы может быть выйдем из кокона в вешние воды
дерьмо оплывет а закат будет сладок и тих...

«соблюдая музыку полагаясь на музыку...»

соблюдая музыку полагаясь на музыку
отдавшись гармонии вечного звука
способен принять и безумие безмолвия
все дело в доверии доверять – наука
музыкант не важен главное композиция
правит тот кто стоит за пюпитром и этот —
создавший симфонию
он ведает смыслом и дарует бессмыслицу
кому-то в вечность другим на агонию
важно и то что дальше за снятой тканью
веселым саваном и черным фраком
сопровождают вверх вниз музыканты оркестров
Иеговы Будды Деметры и конечно
Аллаха

* * *

кто правит гармонией кроме Кроноса?
для крика кукушки и то существенно время
как и плеску реки на ветру
нужна только музыка и ей все исполнится
от улыбки Баала ребенку до Матери Плазмы
где-то там наверху

«почему бы и нет...»

почему бы и нет?
вот зайду включу свет
я один в твоём доме
мне слегка неуютно
буду видимо ждать не считая минуты
постараюсь привыкнуть к твоей форме комфорта
дом твой чудная смесь ну а я так реторта
постараюсь смотреть не чужими глазами
что мужчина? – дрова
это женщина пламя
дом не платье в котором ты мне так знакома
это что есть ты
постараюсь быть дома

«я желаю нечаянной вечности...»

я желаю нечаянной вечности
что умыта веселой беспечностью
там где смерть только гость неприкаянный
и где Авель вином поит Каина
где по саду с веселым журчанием
льют ручьи обещая молчание
всех стремлений никчемных и тягостных
и где Змей предвкушение радости
я хочу водопада в мгновении
зелень ветра по синему времени
всех легенд соцветения в вереске
мне желать
так по мне и отмерится

«только ветром сыт и светом день безоблачен и пуст...»

только ветром сыт и светом день безоблачен и пуст
проходящим летом в Лету отпускаю сплином грусть
гласных нет шершавым небом бредит мыслями язык
сердца дикая утроба крови ждет как сна старик
выцветает вкус июля нет имен в календаре
скачут зебры на ходулях
лает шавка во дворе пахнет прелью
..это ново
ветхий ужас все живет
два билета до Содома
– эй, Паоло! поезд ждет

«ОЛИВЫ... СПЯТ? НО МЫ-ТО НЕТ...»

оливы... спят? но мы-то нет
и собираем с листьев свет
он сух
дожди в Киото все ушли и льют на сакуры
в пыли Пелопоннес и Крит
лесной пожар
земля лежит как сонный путник у костра
и только море как вчера
так нежно пеной бьет и влет —
— что дождь?
когда-нибудь придет

«НЕЛЕПО...»

нелепо
слепы
вот и год
вот
и пряный дождь застыл на проводах
и рельсы так блестят и одичало
случайный поезд в брошенных полях
скользит куда-то в поисках вокзала
и жизнь встряхнулась утром в шпалах
мед блестит на солнце янтарем играя
нелепо вот и год
который год
кружится жизнь пчелой
и улетает

«Луна...»

Луна
банально как одна
а с ней конечно тишина
ночная
наверно где-то соловьи
свистят
допустим о любви
для дурака и для шута
Луна
обидно как проста
она
вот волосы со льна

* * *

Шекспир
конечно очень мил но так заезжен
кто не знает его Офелию
ныряет за ней Лаэрт несчетный раз.
Шекспир давно не греет нас
но как же
склянка сердца бьется
и как в пещере отдается
сумрачным эхом тишина
она
доподлинно одна
здесь лучше музыка и краски
ни я ни мир не верят сказке
но бьется сердце
как стакан
как свежей кожи барабан
живое мясо с тела рвется
и нежно
тихо так смеется

«Джон Рид? – забыт...»

Джон Рид? – забыт
а с ним и *10 дней* сошли туда где пыльные архивы
и пальцы – тени в поисках теней
о чем бы? – смех
считали – живы
он в общем был довольно популярен
и признан так на уровне Гомера
смешная эра
бродили люди в бородах и пиджаках лиловым
красили бульвары и грозили
что все сметут буквально в прах
смели и их забыли
Египет стал намного интересней
а так все пресно. в Пресне
меняет время запах
запах – мозг
твердеет пластилин дубеет как полено смеются звезды
впрочем – все нетленно
чуть обмельчала речь и прет Восток на Запад племенами
дерьмо и пламя
усмехнуться
лечь
и изучать санскрит он не технологичен
как следствие – вне времени приличен

«есть счастье быть неправым...»

есть счастье быть неправым
так обыкновенно
не прав и все
ведь правота мгновенно в банальность обратима
а обратно
дороги нет
что право неприятно

«у меня отсутствует цветное зрение...»

у меня отсутствует цветное зрение
как вывод я не подвержен старению
в черно-белом мире абстракцией старость
все в четких границах
работа – усталость
наслаждение – тягость
богатство – бремя
где полюса два там отсутствует время
нет шкалы протекания и наполнения
есть нечто подвижное – самодвижение
приятие круга в исходный квадрат
аз есмь творец
и небесный суть град

«мадам оставьте жарить сало...»

мадам оставьте жарить сало
имею к вам поговорить
так вижу чувств осталось мало
не так порхать как чисто быть
мадам оставьте помидоры
я к вам за жизнь а вы салат
согласья нет за слово споры
где та любовь что мармелад?
мадам я женщин понимаю
не говорите – понимал
когда ж вы от меня устали
так я скажите раз – пропал
во мне ж таки нутро пылает
по страсти – чистый Герострат
вам хоть сейчас апорт из рая.
куда не слышу? – понял
в сад...

«подарок твой истерика и боль...»

подарок твой истерика и боль
подарок мой иллюзии в корыте
бывает исцеляет алкоголь
звучит вульгарно?
– но вопрос открытый
а впрочем?

* * *

монастырское вино
прогулки по затерянным аллеям
и по утрам открытое окно
на колокол и аромат еля
пусть будут стены
ветхи как роман
написанный еще до Гуттенберга
и все ночами слушать океан
как клавиши
fortissimo
allegro

«КАПЛЯ ВОСКА КРОШИТ ЛЕД...»

капля воска крошит лед
мысль за разумом живет
и доподлинно известно
всяк не ищущий – найдет

«есть белый зов и здравствуй Лондон Джек...»

есть белый зов и здравствуй Лондон Джек
привет Кулау черный человек
на прокаженных островах довольно жарко
поднимем парус и отходит барка
к Юкону на Аляску там вся кровь
на жажду на снега на жизнь как новь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.